

ДЖ. М. МИРО
Перевод Олега Перфильева

ОБЫКНОВЕННЫЕ МОНСТРЫ

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Дж. М. Миро

Обыкновенные монстры

2022

УДК 82-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-445.13

Миро Д.

Обыкновенные монстры / Д. Миро — 2022 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195899-4

«История, в которой качественная готическая тьма проходит сквозь страницы произведения и окутывает читателя приятной мягкой поволокой. Книга дождя. Книга ночи. Книга, которая надолго останется в памяти». Владимир Торин Англия, 1882 год. Детективы Элис Куик и Фрэнк Коултон путешествуют по миру, собирая «таланты». Но не они одни ищут детей с необычными способностями: повелитель пыли – таинственный и пугающий Джейкоб Марбер – идет за ними по пятам, преследуя свои загадочные цели. И даже туманное поместье Карндейл, главное прибежище «талантов», уже не кажется таким безопасным, когда речь заходит о столкновении прошлого и настоящего, мира живых и мира мертвых... Для кого эта книга Для любителей темного мрачного фэнтези. Для читателей Нила Геймана, Ли Бардуго, Мэгги Стивотер, Филипа Пулмана и Дж. К. Роулинг. Для поклонников «Мистера Вечного Кануна» Владимира Торина и Олега Яковлева. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-445.13

ISBN 978-5-00-195899-4

© Миро Д., 2022

Содержание

Нечто на мощеной лестнице. 1874	7
1. Потерянные дети	7
Карта из пыли. 1882	17
2. Огоньки под кожей	17
3. Ребенок на краю света	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дж. М. Миро

Обыкновенные монстры

Original title:
ORDINARY MONSTERS
by J. M. Miro

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2022 by Ides of March Creative Inc.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Посвящается Дэйву Балчину

*И когда люди не могли более сносить их, исполины обратились
против них и поглотили человечество.*

Книга Еноха

Нечто на мощеной лестнице. 1874

1. Потерянные дети

Впервые Элиза Грей увидела ребенка в сумерках в товарном вагоне, медленно движущемся по залитому дождем участку железной дороги в трех милях к западу от городка Бери-Сент-Эдмундс, расположенного в английском графстве Саффолк. Ей, неграмотной и не имевшей представления о мире девчонке с темными, как дождь, глазами, было шестнадцать лет; голодная, не евшая с позапрошлой ночи, она бежала без оглядки, не надев даже пальто и шляпы, потому что не знала, куда направляется и что ее ждет дальше. На шее у нее все еще виднелись следы пальцев бывшего нанимателя, на ребрах – синяки от его сапог. В животе она носила его ребенка, хотя еще не догадывалась об этом. Она оставила умирающего хозяина в ночной рубашке с торчащей из глаза заколкой.

С тех пор девушка не останавливалась. Когда она, спотыкаясь, вышла из-за деревьев и разглядела по ту сторону темнеющего поля приближающийся товарняк, то и не надеялась, что успеет добежать до поезда. Все же она каким-то образом перелезла через забор и под ледяными струями дождя пробралась через раскисшее поле, а потом принялась карабкаться по насыпи, то и дело поскользываясь и падая в жирную грязь, пачкавшую ей юбки, но, даже несмотря на это, продолжая отчаянно царапать землю и упорно двигаться дальше.

В тот момент она услышала лай собак. Увидела, как из-за деревьев во тьме вырастают силуэты всадников, вереницей скачущих вдоль ограды вслед за мчащимися вперед черными псами. Всадники прищипоривали лошадей, пуская их галопом, и, когда она уже ухватила за поручень вагона и из последних сил подтянулась, чтобы взобраться на площадку, послышался звук выстрела. Что-то мелькнуло перед ее глазами, она обернулась и увидела всадника в цилиндре – отца убитого ею мужчины, который с грозным видом поднялся в седле и перезаряжал винтовку. Не успел он прицелиться, как она бросилась внутрь вагона, зарылась в кучу соломы подальше от двери и, тяжело дыша, неподвижно лежала, пока поезд набирал скорость.

Должно быть, она заснула, а когда проснулась, ее волосы прилипли к шее, пол вагона по-прежнему с грохотом раскачивался, дождь лил через открытую дверь. В полутьме вырисовывались очертания перевязанных бечевкой ящиков с этикетками «Грин Кинг» и валявшихся на соломе деревянных досок.

Но, помимо этого, в стороне она увидела что-то еще: какое-то синеватое мерцание, похожее на всполохи далеких молний. Сначала Элиза приняла его за свет лампы, но когда подползла поближе, то выяснилось, что это не так. На соломе лежал спящий ребенок. Мальчик.

Элиза запомнила это мгновение на всю жизнь. Запомнила, как лицо ребенка мерцало голубым светом, будто сквозь его кожу проходили лучи фонаря. Как вены на щеках, ручках и шее младенца переплетались в причудливом узоре.

Девушка подползла ближе.

Рядом с ребенком лежала его мать. Она была мертва.

Что управляет жизнью, если не случай?

Элиза наблюдала, как исходящее от крошечного существа свечение постепенно гаснет. В это мгновение перед ее мысленным взором эпизод за эпизодом пролетела вся ее жизнь: картинка того, чем она была и чем станет. Скрючившись на коленях на раскачивающейся в такт вагону соломенной куче, она почувствовала, как замедляется ее сердце. Нет, этого не может быть. Наверное, голубое сияние ей просто привиделось от усталости, страха и боли, от неизвестности впереди.

– Кто же ты, малыш? – прошептала она. – Откуда ты взялся?

Элиза не считала себя какой-то особенной, не считала себя умной. Она прекрасно знала, что ничем не выделяется, потому что ей твердили об этом с раннего детства. Если ее бессмертная душа принадлежала Иисусу, то брэнная плоть могла достаться любому, кто был готов накормить ее, одеть и дать кров. Так уж устроен мир. Но сейчас, под барабанную дробь ледяных капель, когда накопившаяся усталость навалилась на нее, словно дверь, ведущая в пустоту, она прижала к себе ребенка и с удивлением ощутила ранее неизвестное ей чувство. Оно напоминало гнев и отдавало такой же дерзостью, но все же это был не он. Никогда еще в жизни она не держала на руках существа настолько беспомощного и настолько неготового к жизни в этом мире. Элиза зарыдала, грустя о себе и о ребенке, сожалея о том, чего уже не могла исправить, а потом, выплакавшись, просто села, держа младенца на руках, и стала смотреть на дождь.

Элиза Маккензи Грей. Таково было ее полное имя, которое она шепотом повторяла малышу, словно открывая ему некую тайну, но не решаясь добавить: *«Маккензи, потому что так звали моего отца, доброго человека, которого Господь забрал слишком рано»*. Еще она не добавила: *«Грей, потому что так звали того, кто взял в жены мою овдовевшую мать; высокого, как отец, и прекрасного, как дьявол, мужчину, задурившего ей голову, но быстро доказавшего, что не стоит верить его красивым речам»*. Всего лишь через неделю после бракосочетания его очарование развеялось в парах алкоголя и в звоне бутылок, перекачывающихся по полу их убогого жилища на севере Лестера. По утрам он взял обыкновение грубо домогаться Элизы, чего она, совсем еще девочка, не понимала, ощущая только боль и глухой стыд. Когда Элизе было тринадцать, мать продала ее в услужение; девочка навсегда запомнила, как мать с сухими глазами и сжатыми добела губами отправляла ее в агентство, готовая на все, лишь бы избавить дочь от этого ужасного человека.

Но ей встретился другой – ее новый работодатель, отпрыск семейства сахарного промышленника, носивший тонкий жилет с карманными часами и ухоженные усики, который однажды позвал Элизу в свой кабинет и спросил, как ее зовут, хотя к тому времени она работала в его доме уже два года. Как-то раз он тихонько постучал в дверь ее комнаты, беззвучно вошел, держа в руке свечу, и закрыл дверь за собой, прежде чем она успела встать с кровати и спросить, в чем дело. Теперь он лежал мертвый за много миль, на полу ее комнаты в луже черной крови.

Убитый ее собственной рукой.

Небо на востоке начало светлеть. Когда ребенок захныкал от голода, Элиза вынула из кармана единственную оставшуюся у нее корочку хлеба, тщательно прожевала ее и вложила ему в рот. Тот принялся голодно посасывать кашицу, раскрыв глаза и не сводя взгляда с девушки. Кожа его была такой бледной, что под ней проступали уходящие вглубь тельца голубые вены. Элиза подползла к мертвой матери малыша и вытащила из складок ее юбки небольшую пачку фунтовых банкнот и маленький кошелек с монетами. Аккуратно развязав плащ женщины и вынув из рукавов ее руки, она откатила тело в сторону. На шее у покойницы висел кожаный шнурок с двумя тяжелыми ключами. От них все равно не было никакой пользы, так что Элиза даже не попыталась их отвязать. Лиловые юбки покойницы оказались для нее слишком длинными, и, бормоча заупокойную молитву, девушка закатывала их, подтыкая у пояса. Мать младенца, в отличие от Элизы, была довольно полной, даже пухловатой, с темными волосами; на ее груди и ребрах виднелись странные шрамы в виде неровных бороздок и пузырчатые следы –

не как от ожогов или оспы, а такие, будто плоть ее расплавилась и так и застыла. Элиза даже думать не хотела о том, что могло бы нанести такие раны.

Новая одежда оказалась мягче ее собственной, нежнее и тоньше. На рассвете, когда паровоз затормозил на небольшом переезде, Элиза с ребенком на руках выскочила из вагона и пошла по рельсам к первой попавшейся платформе. Они оказались в деревушке Марлоу, а так как это имя было не хуже и не лучше других, Элиза решила так и назвать мальчика – Марлоу. Остановившись в единственной гостинице у старого трактира, она заплатила за комнату и улеглась на чистые простыни, даже не сняв ботинки. Ребенок прижался к ее теплой мягкой груди, и вместе они заснули.

Утром она купила билет третьего класса на поезд до Кембриджа, откуда они с малышом доехали до вокзала Кингс-Кросс, располагавшегося в мрачном, окутанном дымкой Лондоне.

Денег матери младенца надолго не хватило. В Ротерхите Элиза рассказала, что ее молодой муж погиб, когда попал на телеге в аварию, и что ей нужна работа. Она нашла место и жилье в пабе лодочника на Черч-стрит, ночуя вместе с хозяином и его женой, и некоторое время была вполне довольна жизнью. Девушка не возражала против тяжелой работы, мытья полов, расстановки по полкам банок, взвешивания и просеивания муки и сахара из бочек. Оказалось даже, что она неплохо справляется с подсчетами. По воскресеньям Элиза брала Марлоу на прогулку через весь район Бермондси в Баттерси-парк, где за высокой травой сквозь дымку виднелась Темза. Там она развлекалась тем, что шлепала босиком по лужам, бросалась камнями в гусей и пела малышу колыбельные собственного сочинения под безразличными, похожими на потухшие огоньки свечей взглядами придорожных нищих. К тому времени беременность ее стала почти заметной, что весьма тревожило ее, поскольку она понимала, что носит ребенка бывшего хозяина. Однажды, когда она тужилась на ночном горшке, все ее тело охватила жесткая судорога и наружу вышло нечто красное и скользкое. Несмотря на ужасную боль, девушка даже обрадовалась, что все так закончилось.

Одним туманным июньским вечером Элизу на улице, где в воздухе стояла поднимавшаяся от Темзы вонь, остановила некая женщина. Тогда девушка работала прачкой в Уоппинге, денег едва хватало им с малышом на еду, и они спали под виадуком. Платок ее превратился в лохмотья, руки покрывали пятна и красные язвы. Остановившая Элизу женщина была огромного роста, почти великаншей, с плечами борца и густыми белыми волосами, заплетенными в косу. Глаза у нее были маленькие и черные и напоминали начищенные до блеска пуговицы на хороших сапогах. Она представилась именем Бринт. Говорила Бринт с сильным американским акцентом. Она сказала, что и сама бы испугалась, увидев в полумраке кого-то вроде себя, но заверила Элизу, что им с малышом нечего опасаться, ведь каждый человек чем-то отличается от других, пусть даже эта разница незаметна, и это служит лишь проявлением чуда Господнего. Как выяснилось, великанша уже несколько лет работала на ярмарках и прекрасно понимала, какое впечатление оказывает на людей, но недавно познакомилась с его преподобием Уокером, которому сейчас прислуживает в театре «Голова Турка». И, извинившись за излишнюю настойчивость, великанша поинтересовалась, не даст ли Элиза ответ на вопрос: обрела ли она уже спасение?

Девушка ничего не ответила, а лишь продолжила молча стоять, и тогда широкоплечая Бринт откинула капюшон, чтобы разглядеть лицо ребенка. В этот момент Элиза ощутила какое-то беспокойство, будто Марлоу был сам не свой, словно происходило что-то не то. Но младенец лишь мирно спал. Тут Элиза обратила внимание на покрывавшие руки женщины

и уходившие под рукава татуировки – вроде тех, которыми хвастается какой-нибудь матрос, только что вернувшийся из Вест-Индии: переплетение странных существ с чудовищными мордами. Они виднелись и на шее женщины, словно покрывали все ее тело.

– Не бойся, – сказала Бринт.

Но Элиза не боялась, она просто не видела раньше ничего подобного.

Бринт, проводив ее по темному переулку и через покрытый лужами двор, подвела Элизу к ветхому театру, выходящему на грязную реку. Внутри небольшого, едва ли превосходящего размером железнодорожный вагон помещения было дымно и тускло. Преподобный Уокер в рубашке и жилете расхаживал по маленькой сцене при свете бросающих на его лицо отблески свечей и, обращаясь к толпе моряков и уличных бродяг, разглагольствовал о грядущем апокалипсисе. Закончив проповедь, он принялся рекламировать эликсиры, притирания и мази собственного приготовления. Позже Элизу с ребенком отвели за кулисы, где преподобный – худой мужчина – сидел, вытирая полотенцем лоб и шею. Сказать по правде, по росту его можно было принять за мальчика, но волосы проповедника покрывала седина, а его усталые глаза горели огнем. Мягкими, дрожащими пальцами он отвинтил крышку пузырька с опиумной настойкой.

– Существует лишь одна Книга Христа, – произнес он тихим голосом и поднял налитые кровью глаза. – Но разных видов христиан во всем мире едва ли не столько, сколько всего людей когда-либо ходило по этой земле.

Он сжал кулак, а потом разжал, растопырив пальцы.

– Множество из одного, – прошептал он.

– «Множество из одного», – повторила Бринт, словно вознося молитву. – Этим двоим негде жить, ваше преподобие.

Его преподобие что-то пробурчал и сверкнул глазами. Казалось, будто он совершенно забыл про окружающих и полагал, что находится один. Губы его безмолвно шевелились.

Бринт ткнула Элизу в бок:

– Просто он сейчас устал. Но ты ему понравилась, дорогуша. И ребеночек тоже. Так ты хочешь выспаться?

Они остались. Сначала на одну ночь, затем на сутки, потом на неделю и на следующую. Элизе нравилось, как Бринт воркует с ребенком, да и, кроме женщины и его преподобия, в театре никого больше не было: великанша выполняла всю домашнюю работу, а проповедник под скрип досок старого здания смешивал эликсиры, по выражению Бринт, *«споря с Господом Богом через закрытую дверь»*. Сначала Элиза подумала, что Бринт с его преподобием любовники, но потом поняла, что он не интересуется женщинами, испытав при этом величайшее облегчение. Элиза стирала, ходила за покупками и даже немного готовила, хотя Бринт каждый вечер и гримасничала, нюхая кастрюлю с ее стряпней. Еще девушка подметала зал, помогала подрезать свечи на сцене и ежедневно выстраивала скамейки из досок и кирпичей.

Стоял октябрь, когда в театр явились двое мужчин в строгих пальто. Тот, что был повыше, провел рукой по мокрой бороде, пряча глаза под полями цилиндра. Однако Элиза сразу же узнала его. Это был отец ее покойного работодателя.

Спрятавшись за занавесом, она задрожала всем телом, мечтая исчезнуть, но все же не находя сил отвести глаз от мрачной фигуры. Она столько раз представляла себе этот момент, просыпаясь ночью в поту. Оцепенев, Элиза следила, как суровый мужчина, изучая лица, обходит толпу, и словно дожидалась, когда он ее заметит. Но он не посмотрел в ее сторону. Встретив в дальней части театра своего спутника, он расстегнул пальто и достал золотые карманные часы на цепочке, а затем они вдвоем протиснулись к выходу, будто опаздывая на какую-то встречу, и исчезли в туманном Уоппинге. Элиза тяжело вздохнула.

– Кто это был, детка? – спросила Бринт позже глухим голосом, сжав покрытые татуировками кулаки, на которых плясали отблески фонарей. – Что они с тобой сделали?

Но Элиза ничего не сказала, не осмелилась рассказать, что *она* сделала с *ними*, а только крепче сжала ребенка и задрожала. Это не было совпадением, она знала, что за ней охотятся и будут охотиться всегда. Ощущение спокойствия, которое только-только начало окутывать ее в этом месте, где она жила с Бринт и преподобным Уокером, развеялось. Ей нельзя было здесь оставаться. Это было бы неправильно.

Но она не ушла. Не нашла в себе сил. И однажды серым утром, когда она брела по Раньянс-Корт с ведром воды для стирки, перед ней выросла Бринт, доставшая из-под своей широкой юбки сложенный лист бумаги. У забора неподалеку валялся какой-то пьяница. На веревке сушилось белье. Элиза взяла протянутый великаншей лист, развернула его и увидела свой портрет.

Это был обрывок газеты с объявлением о вознаграждении за поимку убийцы.

Элиза не умела читать и только спросила:

– Там мое имя?

– Ох, милая, – прошептала Бринт.

И Элиза рассказала ей все – прямо там, посреди мрачного заднего двора. Сначала она говорила сбивчиво, запинаясь, потом в страшной спешке и, по мере того как продолжала говорить, ощущала облегчение, удивляясь тому, как раньше держала свою историю в тайне. Она рассказала о хозяине в ночной рубашке, об отблесках свечи в его глазах, сверкающих голодом, о том, как ей было больно и как боль продолжалась, пока он не закончил свое дело, о том, что его руки пахли лосьоном, и о том, как она, корчась от боли, ощупывая пальцами комод, наткнулась на... *какую-то вещь*, что-то острое, и ударила его этой штуковиной, осознав, что сделала, только после того, как оттолкнула его от себя. Рассказала она и о вагоне товарного поезда, и о лампе, которая вовсе не была лампой, и о том, как выглядел ребенок в ту первую ночь, и даже о банкнотах, найденных в одежде его оцепеневшей матери. Закончив, она посмотрела на Бринт, которая уселась на перевернутое ведро, сжав губы, высоко подняв свои крупные колени, выставив вперед живот и закрыв глаза.

– Бринт? – промолвила Элиза, снова ощутив страх. – За меня предлагают большую награду?

При этих ее словах Бринт подняла руки, покрытые татуировками, и осмотрела их, словно решая какую-то загадку.

– Да, я видела это в тебе, – сказала она тихо. – С самого первого дня, когда мы встретились на улице. Я знала, что ты что-то скрываешь.

– Так большая награда-то, Бринт? – повторила Элиза.

Женщина кивнула.

– И что ты теперь сделаешь? Расскажешь его преподобию?

Бринт подняла голову и медленно покачала ею из стороны в сторону:

– Этот мир огромен, деточка. Кое-кто считает, что если быстро бежать, то можно убежать от чего угодно. Даже от своих ошибок.

– Ты... ты и правда так думаешь?

– Ах... я сама в бегах уже восемнадцать лет. Но от себя не убежишь.

Элиза вытерла глаза и шмыгнула носом.

– Я не хотела, – прошептала она.

Бринт кивком указала на клочок газеты в руках девушки, встала и повернулась, чтобы пойти прочь, но тут же замерла.

– Иногда ублюдки заслуживают того, как с ними поступают, – гневно произнесла она.

Марлоу подрастал, превращаясь в черноволосого и шумного мальчугана, хотя кожа его сохраняла жутковато-бледный, нездоровый вид, как будто он никогда не видел солнечного света. И все же он выглядел совершенным милашкой: его голубые глаза и улыбка были способны растопить лед в любом сердце. Впрочем, временами в нем проявлялась какая-то странная вспыльчивость, и по мере взросления его лицо все чаще искажалось от злости, когда он, раздраженно топая ногой, настаивал на своем, и тогда Элиза с опаской размышляла, что же за дьявол в него вселился. В такие моменты мальчик кричал, верещал и хватал все, что попадалось под руку: куски угля, чернильницу, что угодно, – и разбивал вдребезги. Бринт пыталась убедить девушку, что такое поведение свойственно всем детям, что через такие приступы гнева проходит каждый и что с ним все в порядке, но Элиза не была в этом уверена.

Однажды вечером на Сент-Джорджес-стрит внимание Марлоу привлекло нечто в витрине лавки – палочка лакрицы или какое-то другое лакомство, – а Элиза то ли слишком устала, то ли слишком торопилась, поэтому отказала ему и сквозь толпу потащила за руку прочь от лавки к широкой мощеной лестнице, ведущей на Болт-Аллей. «Хочу! Хочу!» – вопил он, бросая на нее гневные, преисполненные злобы взгляды. Она ощутила жар в ладони и пальцах – в тех местах, где касались их руки. Остановившись посреди мощеной лестницы в тусклом свете газового фонаря, девушка увидела, что от ребенка исходит прежнее голубое сияние, и ее руку пронзила мучительная боль. Марлоу буквально пылал от злости, наблюдая за тем, как она извивается от боли. Элиза громко закричала и оттолкнула его от себя, и в то же мгновение увидела у подножия лестницы фигуру в плаще, которая стояла, повернувшись к ним, неподвижно, будто колонна. Лица у фигуры не было, один лишь дым, и, увидев этот дым, Элиза содрогнулась...

Но тут Марлоу затих, сияние погасло. Лежа в грязи, там, куда она его толкнула, он с недоумением смотрел на нее. Теперь на его лице отражался лишь страх. Он заплакал. Элиза прижала к себе обожженную ладонь, закутала ее шалью и здоровой рукой повела мальчика за собой, тихо успокаивая его и ощущая одновременно страх и стыд. Перед тем как уйти, она оглянулась, но у подножия лестницы никого не было.

Когда Марлоу исполнилось шесть, они потеряли театр из-за долгов по арендной плате, и им пришлось ютиться в жалкой комнатухе на Флауэр-энд-Дин-стрит в Спиталфилдсе. Элиза иногда думала о том, что Бринт, возможно, ошибалась и что в конце концов можно убежать от своих ошибок. Теперь девушка занималась тем, что после отлива спускалась из Спиталфилдса к Темзе и старалась найти в густом грязном иле что-то полезное; Бринт была слишком грузной для подобной работы, а Марлоу – слишком маленьким. Однако он резво носился по туманным улицам мимо груженных углем телег, подбирая с булыжной мостовой упавшие угольки и ловко уворачиваясь от железных колес, а Бринт обычно стояла у тумбы на краю дороги и в волнении следила за ним. Спиталфилдс Элиза недолюбливала – это был темный и порочный район, но ей нравилось, что в нем Марлоу учился выживать, проявлять твердость и бдительность, нравилось, как его большие глаза темнеют от получаемых жизненных знаний.

Но иногда по ночам он все так же подкрадывался, ложился рядом на изъеденный клопами матрас и прижимался к ней всем телом, а она слушала, как быстро бьется его сердце, и ей казалось, что он по-прежнему такой же простодушный, миленький и хорошенький, как в младенчестве.

Однако так было не всегда. Весной того же года она нашла его скрюченным в заваленном мусором переулке у Трал-стрит. Он сжимал свое левое запястье правой рукой, и от его рук, шеи и лица исходило то же сияние, что и годы назад, – голубое и зыбкое, словно пробивающееся сквозь туман. Когда мальчик отдернул правую руку, кожа левой руки на мгновение стала пузыриться, но тут же снова обрела обычный вид. Элиза не смогла сдержать крик изумления, хотя видела такое не в первый раз, а Марлоу повернулся и с виноватым видом потянул ее за рукав:

– Мам?..

Они стояли в переулке одни, но шагах в десяти была затянутая туманом улица, с которой до них доносился грохот колес и крики торговцев.

– О господи, – прошептала она, становясь перед ним на колени и не зная, что еще сказать.

Она надеялась, что он забыл тот день, когда обжег ей руку, хотя и не была в этом уверена. Все же она прекрасно понимала, что в этом мире не к добру чем-то отличаться от других, и попыталась объяснить это и ему. Она сказала, что каждому человеку Бог даровал две судьбы и что их задача в этой жизни – выбрать одну или другую. Посмотрев на его белые от холода щеки и спускавшиеся до ушей черные волосы, она заглянула в его маленькое личико и почувствовала непреодолимую грусть.

– У тебя всегда есть выбор, Марлоу, – повторила она. – Ты понимаешь?

Он кивнул. Но ей казалось, что он ничего не понял.

– А это плохо, мама? – спросил он едва слышным шепотом.

– О нет, дорогой. Нет.

Он на мгновение задумался:

– Потому что это от Бога?

Прикусив губу, она кивнула.

– Мам?

– Да?

– А что, если я не хочу отличаться?

Она ответила, что он никогда не должен бояться себя, но это голубоватое сияние, чем бы оно ни было, следует скрывать. «*Даже от его преподобия?*» – «Да». – «*Даже от Бринт?*» – «Да, даже от Бринт». Она сказала, что со временем ему станет известно его предназначение, но до тех пор кто-то может захотеть воспользоваться им в своих целях, а многие другие – испугаться.

В том же году преподобный Уокер стал кашлять кровью. Один кровопускатель из Уайт-чепела сказал, что ему мог бы помочь сухой климат, но Бринт только насупилась и вышла в туман. Позже она объяснила, что в свое время его преподобие, еще будучи мальчишкой, покинул американские пустыни и все, чего он хочет теперь, – это вернуться туда и там умереть. Сменялись освещенные газовыми лампами ночи, и его лицо все серело, а глаза все желтели, пока он не прекратил даже притворяться, что смешивает эликсиры, и стал просто продавать виски, утверждая, что этот напиток благословил святой отшельник из Аграпура, хотя Элиза подозревала, что покупателям все равно. Но даже эту ложь он произносил слабо и неуверенно, как человек, который сам не верит своим словам или словам вообще кого бы то ни было.

Однажды ночью его преподобие, стоя на ящике под дождем на Вентворт-Роуд и обращаясь к прохожим с призывом спасти свою душу, болезненно содрогнувшись, рухнул, и Бринт на руках отнесла его обратно в их лачугу. В нескольких местах через худую крышу внутрь проникла вода, обои давно отвалились, вокруг окна пушилась плесень. Именно в этой комнате, когда его преподобие уже седьмой день пребывал в бреду, Элиза с Марлоу слышали тихий стук в дверь. Она встала и открыла дверь, думая, что это Бринт, но на пороге стоял незнакомый мужчина.

Его шляпу и бороду окружал ореол тусклого серого света с площадки, а растворившиеся в тени глаза разглядеть было невозможно.

– Мисс Элиза Грей? – спросил он.

Голос у него был негрубый, почти даже любезный – такой, каким, по ее представлениям, дедушка должен рассказывать внукам сказки перед сном.

– Да, – ответила она, чуть помедлив.

– Это Бринт вернулась? – спросил Марлоу с другого конца комнаты. – Мама? Это Бринт?

Мужчина снял шляпу и склонил голову вбок, чтобы посмотреть ей за спину, и она сразу разглядела его лицо, особенно отметив недобрый взгляд и длинный красный шрам над глазом. В лацкане у него торчал белый цветок. Элиза попыталась было закрыть дверь, но он своей большой рукой почти без усилия оттолкнул ее в сторону, вошел и захлопнул дверь за собой.

– Мы вроде еще не знакомы, мисс Грей? – сказал он. – Думаю, со временем мы это исправим. А это кто такой?

Мужчина посмотрел на Марлоу, стоявшего посреди комнаты и прижимавшего к груди маленького коричневого плюшевого медведя. Один глаз у него отсутствовал, а из ноги торчала набивка, но это было единственное сокровище мальчика. Марлоу уставился на незнакомца с пустым выражением на бледном лице. Это был еще не страх, но уже осознание, что происходит что-то не то.

– Всё в порядке, дорогой, – сказала Элиза. – Ступай к его преподобию. У нас с джентльменом просто кое-какие дела.

– С джентльменом, – пробормотал мужчина, будто это слово его позабавило. – Так кто же ты такой, сынок?

– Марлоу, – уверенно ответил мальчик.

– И сколько же тебе лет, Марлоу?

– Шесть.

– А кто это там на матрасе? – Мужчина махнул шляпой в сторону лежащего в бреду его преподобия, в поту повернувшегося лицом к стене.

– Преподобный Уокер, – ответил Марлоу. – Но он болен.

– Ступай, – поспешно повторила Элиза, чувствуя, как из груди едва не выскакивает сердце. – Посиди с его преподобием. Иди.

– Вы полицейский? – спросил Марлоу.

– Ма-а-арлоу, – чуть осуждающе протянула Элиза.

– Что ж, сынок, так и есть.

Мужчина покрутил в руках шляпу, изучающе рассматривая мальчика, а затем встретился взглядом с Элизой. Его глаза были маленькими и черными, а взгляд – жестким.

– А где женщина?

– Какая женщина?

Он поднял руку над головой, жестом показывая рост Бринт.

– Американка. Занималась борьбой.

– Если хотите поговорить с ней...

– Не хочу.

Он положил шляпу на стоявший у стены перекошенный стул, поймал в мутном окне свое отражение, приосанился, провел рукой по усам и огляделся. На нем был клетчатый зеленый костюм, а его пальцы покрывали чернильные пятна, как у банковского клерка. Белый цветок при ближайшем рассмотрении оказался увядшим.

– Так чего же вы тогда хотите? – спросила Элиза, стараясь говорить без страха.

Он улыбнулся и распахнул полу сюртука так, чтобы был виден закрепленный на бедре револьвер.

– Мисс Грей, некий джентльмен сомнительного происхождения, проживающий в настоящее время в Блэквелл-Корт, расспрашивает о вас по всему Спиталфилдсу. Он утверждает, что вы должны получить наследство, и хочет найти вас.

– Меня?

Его глаза сверкнули.

– Вас.

– Не может быть. У меня нет родственников.

– Естественно, нет. Вы Элиза Маккензи Грей, ранее проживавшая в Бери-Сент-Эдмундс и находящаяся в розыске за убийство... вашего работодателя... не так ли?

Элиза почувствовала, как горят ее щеки.

– За вас обещано значительное вознаграждение. Хотя ничего не сказано о ребенке.

Мужчина бросил на Марлоу невыразительный взгляд.

– Не думаю, что упомянутый мной джентльмен захочет видеть и его. Могу подыскать мальчику какое-нибудь подходящее местечко подмастерья. Подальше от рабочего дома. Все лучше, чем оставаться здесь, в компании умирающего проповедника и сумасшедшей американки.

– Бринт не сумасшедшая, – отозвался Марлоу из угла.

– Милый, – с отчаянием произнесла Элиза. – Сходи к Коуэтт и попроси Бринт прийти побыстрее, хорошо? Скажи ей, что ее хочет видеть его преподобие.

Она шагнула к двери, чтобы открыть ее и выпроводить мальчика, но услышала глухой щелчок и замерла.

– Отойди от двери, будь столь любезна.

Мужчина поднял револьвер, сверкающий в проникающем через окно тусклом сером свете, и снова надел шляпу.

– Не очень-то ты похожа на убийцу, следует признаться, – сказал он.

Свободной рукой он достал из кармана жилета пару никелированных наручников и через мгновение оказался рядом с Элизой. Грубо схватив ее за руку, он защелкнул наручник на ее правом запястье и потянулся к левому. Она попыталась сопротивляться:

– Прекратите...

На другом конце комнаты Марлоу вскочил на ноги:

– Мама? Мама?

Не обращая внимания на крики ребенка, мужчина продолжал толкать Элизу к двери. Тогда мальчик, такой маленький, подбежал к ним, и все произошедшее после показалось девушке будто замедленным. Марлоу обеими руками схватился за запястье мужчины, словно пытаясь удержать его. Тот повернулся и, как ей почудилось, целую вечность (хотя на самом деле прошло не более секунды) в изумлении смотрел на мальчика, а затем по его искажившемуся лицу пробежала волна ужаса. Марлоу окутало сияние. Мужчина выронил револьвер и открыл рот, чтобы закричать, но не закричал.

Элиза шагнула назад и ударилась спиной о стену. Марлоу повернулся, и она не могла видеть его лица, но смотрела на руку мужчины, в которую вцепился мальчик, видела, как его кожа идет пузырями и размягчается, словно воск. Шея его дернулась, ноги подкосились, а потом весь он словно поплыл и стал стекать вниз, точно густая патока. Его зеленый костюм вздулся в нескольких самых неожиданных местах, и через пару мгновений сильный мужчина в расцвете сил превратился в безвольный кусок плоти: его лицо перекосила гримаса агонии, глаза вылезли из орбит и застыли в расплавленной массе, что прежде была его головой.

Марлоу молча отпустил его запястье. Голубоватое сияние погасло. Из застывшего месива плоти торчала рука.

– Мама?

Он посмотрел на нее и заплакал.

В ветхой комнатухе было очень холодно и сыро. Элиза подошла к ребенку и, с наручниками на руках, как могла, обняла мальчика, ощущая его и свою дрожь. Он уткнулся лицом в ее плечо, и она почувствовала такой ужас, такую жалость и такую любовь, как никогда ранее.

Но ей не было страшно. По крайней мере, не перед своим маленьким мальчиком.

Ключи от наручников она нашла в кармане пиджака мужчины. Освободившись, она закутала Марлоу в хорошее одеяло, зажгла последний оставшийся в ящике кусок угля и укачивала его, пока он не заснул возле постели его преподобия. Все это время искаженное тело охотника за головами лежало у окна. Мальчик, по всей видимости, утомился, поэтому заснул быстро. Пока он спал, Элиза закутала тело незнакомца вместе с его револьвером в другое одеяло, а затем с трудом, отдуваясь, подтащила его к двери и спустила по скрипящим ступеням, по крыльцу и доволокла до глухого переулка.

Мужчины не перестанут преследовать ее, кем бы они ни были. В Уоппинге, в Спитал-филдсе, везде. У них будут разные лица, разный возраст, разное оружие, но деньги, которые предлагают за ее голову, останутся неизменными, и их всегда будет слишком много для того, чтобы они от них отказались.

Элиза не стала возвращаться домой. Она подумала о Марлоу, которого любила, и с внезапной ясностью осознала, что с Бринт ему будет гораздо безопаснее. С Бринт, которая знает, как устроен мир, которую не разыскивают охотники за головами, которая говорит, что когда-нибудь вернется в Америку, хотя теперь это и казалось чем-то вроде мечты. Через две улицы в Блэквеллском суде ждал человек с кружкой пива в руке и оружием в кармане, и он не спал даже в этот час. Она поплотнее укуталась в грязную шаль, скрестила руки и направилась прочь по окутанной туманом улице, вымощенной мокрым булыжником. Сердце ее разрывалось, но она не позволила себе замедлить шаг, повернуться или оглянуться на треснувшее окно их съемной комнаты, боясь увидеть там маленький силуэт – силуэт завернутого в одеяло ребенка, прижимающего к стеклу свою бледную ладонь.

Карта из пыли. 1882

2. Огоньки под кожей

Ощущения были такие, как будто у него под кожей бегают маленькие огоньки. Так он пытался объяснить, что с ним происходит. Что ему *больно*.

Его звали Чарли Овид, и, судя по догадкам судьи, ему было лет шестнадцать. Несмотря на то что всю жизнь парня пороли и избивали, на его теле не было ни одного шрама. При росте в шесть футов – больше, вероятно, ему уже не вырасти – он оставался худым, со впалой, как у маленького мальчишки, грудью. На руках его выступали жилистые мышцы. Он и сам не знал, почему его тело устроено так, как оно устроено, но считал, что Бог здесь ни при чем, и, уже немного разбираясь в жизни, понимал, что лучше это держать при себе. Мать его была черной, а отец белым, и это в мире, где на него смотрели, как на какое-то чудовище.

Парень не мог назвать ни года, ни даже месяца своего рождения, но был сообразительнее, чем считали окружающие, и даже умел немного читать и писать свое имя, если ему давали для этого достаточно времени. Он родился в Лондоне, в Англии, но его отец мечтал о Калифорнии, о лучшем мире. И возможно, он даже нашел бы дорогу в такой мир, проживи он достаточно долго. Но он умер в одной из тех повозок, что вереницей пересекали Техас, к югу от Индейской территории, оставив Чарли и его мать на произвол судьбы. Накопленных денег им хватило лишь на то, чтобы вернуться на восток через Луизиану. После этого они стали обычными чернокожими бродягами в стране, где их и без того было полно, а когда пять лет спустя мать Чарли заболела и умерла, у него не осталось ничего, кроме ее обручального кольца. Оно было серебряным, с гербом из скрещенных молотков на фоне пылающего солнца, и мальчик, которому не было еще и десяти, держал его в руках и рассматривал при свете фонаря, вспоминая запах матери, восхищаясь своим отцом, который подарил ей его в знак любви, и пытаясь представить, кем он был. Чарли до сих пор прятал это кольцо в рукаве. Никто не смел отнять его у него.

Мать знала о способностях сына, о том, что он может исцелять себя. И все равно любила его. Но он изо всех сил старался скрыть эту особенность от остальных, и такая секретность – как и дар исцеления – помогала ему выживать. Выжил же он на речных работах к югу от Натчеза в штате Миссисипи и в темных лачугах, разбросанных вокруг того же города неподалеку от Ривер-Форкс-Роуд. Но теперь, стоя в кандалах посреди темной подсобки на складе, он не был уверен, что выживет и на этот раз. Все, чему он когда-либо был свидетелем на протяжении своей короткой жизни, научило его одной и той же печальной истине: в конце концов все тебя бросают. В этом мире у тебя есть только ты сам.

На нем не было ни ботинок, ни куртки, домотканую рубашку покрывали пятна крови, брюки истрепались. Его держали на складе, а не в тюрьме, потому что жена шерифа якобы боялась его. Хотя, скорее всего, так и было. Он находился здесь уже две недели, с кандалами на лодыжках и наручниками на запястьях. Иногда приходил помощник шерифа с другими белыми мужчинами, которые несли в руках дубинки и цепи; они ставили фонарь на пол и среди безумного хоровода теней избивали его ради забавы, а потом со смехом наблюдали, как затягиваются его раны. Но даже несмотря на быстрое исцеление, кровь была настоящей, как и ощущаемая им боль. И ужас, который он испытывал, лежа и плача в темноте, тоже был настоящим.

После этого он мог лишь в крошечной темноте переползая от стены к стене, чувствуя, как горят огоньки на его ранах и как течет из глаз и носа; двигался он осторожно, чтобы не опрокинуть помойное ведро. Наручники постоянно соскальзывали с его худых запястий, пока шериф не принес другие, специально выкованные для него кузнецом. Единственной мебе-

лю в комнате была скамья, подвешенная к стене на ржавых цепях, и он ложился на нее, когда считал, что уже настала ночь, и иногда пытался заснуть.

Когда со стороны улицы послышались голоса, он как раз лежал на скамье. Время было не обеденное, он точно знал: его кормили только два раза в день, и еду приносил помощник шерифа на подносе, застеленном марлей, прямо из кухни, расположенной на соседней улице, причем старался как можно более смачно плюнуть в миску, прежде чем поставить ее на пол. Чарли ненавидел его, ненавидел и боялся, его пугала непринужденная жестокость этого человека, то, как он называл Чарли «полукровкой», пугал его грубый смех. Но больше всего мальчик боялся его взгляда, говорившего о том, что он, Чарли, всего лишь животное, а вовсе и не человек.

Снаружи послышался лязг отодвигаемых засовов большой двери склада, а затем медленный стук приближающихся сапог. Дрожа от страха, Чарли поднялся на ноги.

Он убил человека. Мужчину. Белого. Так ему сказали. Того самого мистера Джессапа, который расхаживал по речной пристани, куда причаливали пароходы, идущие на юг в Новый Орлеан и на север в Сент-Луис. Который держал в руке хлыст, как будто на дворе все еще был 1860 год, как будто не было войны, не было никакой отмены рабства, а обещание свободы еще не обернулось ложью. Человек, которого он убил, несомненно, заслуживал смерти – он был в этом уверен и не ощущал угрызений совести. Но дело в том, что Чарли ничего не помнил об убийстве. Он узнал о случившемся, потому что на разбирательстве все говорили о том, что это его рук дело. Обвинения подтвердил даже старина Бенджи с вечно печальным взглядом и дрожащими руками: *«Ага, среди бела дня, сэр. Ага, на платформе лесопилки, сэр»*. В тот раз Чарли решили выпороть за какой-то проступок, и экзекуция продолжалась так долго, что он почувствовал, как порезы начинают закрываться. Мистер Джессап тоже увидел это, разозлился и принялся грязно ругаться, призывая на чертенка дьявола. Чарли в страхе развернулся – должно быть, слишком быстро – и врезался в мистера Джессапа, а тот упал на платформу и смешно ударился головой, после чего затих. Но когда мальчика попытались пристрелить, пули выходили из его плоти на глазах у изумленных палачей. Тогда его снова привязали к столбу, прицелились как следует, но все равно не смогли убить и уже не знали, что с ним делать.

Шаги остановились. Послышалось звяканье связки ключей и скрежет железных замков, а затем тяжелая дверь содрогнулась. По всему складу эхом разнесся звук удара дубинки по металлу.

– Встать! – крикнул помощник шерифа. – К тебе посетители, парень. Стой ровнее!

Чарли вздрогнул и прислонился к дальней стене. Холодные кирпичи уперлись ему в спину. Он держал руки перед лицом и дрожал. До сих пор никто никогда не приходил к нему. Мальчик сделал глубокий испуганный вдох.

Дверь распахнулась.

Элис Куик, усталая и глубоко разочарованная во всем мире, с сжатыми кулаками и побелевшими от напряжения костяшками, стояла у разрушенного склада в Натчезе и наблюдала, как по крутой улочке к ней неспешно приближается ее партнер Коултон. Прошло четыре дня с тех пор, как в прибрежной забегаловке в Новом Орлеане она сочла, что нужно поближе познакомиться с некоего джентльмена с медной поверхностью барной стойки, и только револьвер Коултона и их последующий поспешный уход предотвратили почти неминуемое кровопролитие. В последнее время ее все больше раздражала бесцеремонная манера некоторых мужчин

носить женское платье, словно в этом нет ничего предосудительного. Ей было уже за тридцать, но она оставалась незамужней, да и никогда не желала этого. С детства она выживала с помощью насилия и своего ума, и этого ей казалось достаточно. Турнюрам и корсетам она предпочитала брюки, а на широких плечах носила длинный плащ из промасленной кожи с подвернутыми рукавами, скроенный для ночных сторожей. Когда-то он был черным, но теперь местами выцвел и стал почти серым; украшали его потускневшие серебряные пуговицы. На лоб ей спадали жирные и спутанные волосы соломенного цвета, которые она сама подстригла до приемлемой длины. Ее можно было назвать почти красивой – миловидное лицо с вытянутым подбородком, тонкие черты, – но в глазах этой женщины застыла жестокость, сломанный много лет назад нос был плохо вправлен, и улыбалась она не настолько часто, чтобы привлечь внимание мужчин. Это ее вполне устраивало. Она была женщиной-детективом, и добиться серьезного отношения к себе было довольно трудно и без того, чтобы ее чертову руку целовали на каждом шагу.

Коултон же тем временем, казалось, нисколько не спешил, неторопливо прогуливаясь под зелеными тополями. На ходу он лениво нахлобучил на голову шляпу-котелок и зацепился большим пальцем за карман жилета. Их окружала тишина обшарпанного речного городишки со все еще красивыми зданиями своеобразной архитектуры, построенными на костях рабов, – красивыми, как ядовитый цветок. Коултон шел от дома шерифа, рядом с которым располагалась маленькая кирпичная тюрьма.

Элис начинала ненавидеть эту работу.

Первую сироту, девочку по имени Мэри, она нашла в марте прошлого года в одном из пансионатов в Шеффилде, Англия. Второй ребенок пропал еще до того, как они добрались до Кейптауна в Южной Африке. Впоследствии обнаружилась только его недавно вырытая могила с маленьким деревянным крестом. Он умер от лихорадки и был погребен за счет дамского благотворительного общества. Коултон рассказывал о других – из Оксфорда, Белфаста и самого Уайтчепела. В июне они отплыли в Балтимор и забрали из местного работного дома девочку, а позже направились на юг к Новому Орлеану, где оплатили проезд на пароходе вверх по реке. И вот теперь они здесь, в Миссисипи, разыскивают некоего Чарльза Овида, кем бы он ни был.

Больше она ничего не знала, потому что ей не предоставили никаких сведений, кроме имени ребенка и адреса городского суда Нагчеза. Так все и работало. Она не задавала вопросов, просто приступала к делу. Иногда ей сообщали только название улицы, или района, или лишь города. Неважно. Она всегда находила их.

Несмотря на жару, Коултон был одет в желтый клетчатый костюм. Усы его нелепо нависали над нижней челюстью. Он был почти лысым, но тщательно причесывал оставшиеся редкие волосы, то и дело поднимая руку, чтобы пригладить их. Это, пожалуй, был самый надежный человек из всех, кого она знала за всю свою жизнь, – надежный и вежливый, как какой-нибудь образцовый англичанин среднего класса. Но Элис сама видела, как он с яростью пронесся сквозь толпу в прокуренном пабе в Дептфорде, оставляя за собой трупы, и знала, что легкомысленно к нему относиться нельзя.

– Нет его там, – сказал Коултон, наконец-то подойдя поближе. – Его держат на складе.

Он медленно обмахнулся котелком и вытер лицо носовым платком.

– Похоже, жена шерифа не захотела оставлять его с другими.

– Потому что он черный?

– Ну, не то чтобы. Думаю, у них в каталажке полно таких.

Она ждала.

– Придется посидеть с местным судьей, послушать, что он скажет, – продолжил Коултон. – Шериф согласился на встречу вечером. С юридической точки зрения парень не является

чьей-то собственностью, но, похоже, на деле это почти так и есть. Насколько можно судить, он вроде как приписан к депо.

– И что он натворил?

– Убил белого мужчину.

Элис подняла глаза.

– Ага. Вроде как несчастный случай на пристани, где он работал. Ссора с надзирателем, тот упал с платформы, ударился головой и упал замертво. Возможно, не такая уж и большая потеря для мира. Шериф не считает, что убийство было *намеренным*, но для него это и неважно. Что случилось, то случилось, назад уже ничего не вернешь. Парня осудили и признали виновным. Приговор привели в исполнение.

– Привели в?..

Коултон развел руками:

– Пристрелили его. Шесть дней назад. Но не сработало.

– Что значит «не сработало»?

Коултон обернулся и, заслонившись рукой от солнца, посмотрел на тюрьму.

– Ну, в общем, парень еще дышит. Вот что это значит. Жена шерифа утверждает, что ему все нипочем.

– Держу пари, самому ему так не кажется.

– Ну да.

– И потому его заперли на складе. Не хотят, чтобы белые горожане расправились с ним по-своему.

– Мисс Куик, они не хотят, чтобы белым горожанам вообще было что-то *известно*. Что касается добропорядочных жителей Натчеза, то они уверены, что Чарльза Овида застрелили в тюрьме шесть дней назад. Ему уже вырыли могилу.

«*Ему все нипочем*». Элис надула щеки. Она издавна ненавидела распространенные в маленьких городках суеверия. Этим людям нужна лишь причина, любая причина, чтобы продолжать избивать чернокожего подростка, убившего белого человека. И нелепое предположение о том, что тому все нипочем, приходилось им как нельзя кстати.

– Так что же они собираются делать? – спросила она. – Ну, то есть что бы они с ним сделали, если бы не явились мы и не предложили бы забрать его?

– Думаю, его все же собираются похоронить.

Элис помолчала.

– Но если они не могут его убить...

Коултон перехватил ее взгляд.

И тут до нее дошло. Они собираются похоронить его *заживо*. Она отвела глаза в сторону:

– Дерьмовое место.

– Что есть, то есть.

Коултон прищурился в том направлении, куда был устремлен ее взгляд, ничего не увидел и, подняв голову, посмотрел на безоблачное небо.

По улице к ним приближались двое мужчин, силуэты которых расплывались в раскаленном воздухе. Они шли пешком, без лошадей, оба в костюмах. Мужчина повыше горизонтально перед собой держал винтовку. Шериф и его помощник, как предположила Элис.

– Что бы вы хотели с ними сделать? – тихо спросила она.

– Думаю, то же, что и вы, мисс Куик, – ответил Коултон, надевая обратно свой котелок и оборачиваясь. – Только наши работодатели этого не одобрили бы. Правосудие – это просто ведро с дыркой в дне, как говаривал мой отец. Вы готовы?

Элис потеряла костяшки пальцев.

Она проработала с Фрэнком Коултоном тринадцать месяцев и уже почти начала ему доверять – по крайней мере, больше, чем всем остальным. Он нашел ее по объявлению, которое она

разместила в газете «Таймс». Однажды он, сжимая в кармане пальто газетную вырезку, поднялся по искореженным от влаги ступеням дома в Дептфорде, где она тогда жила. Из рта его вылетал пар, будто на морозе. Прежде всего он захотел удостовериться в ее профессионализме. Снаружи по сырому переулку расходился желтый туман. По его словам, он кое-что слышал о том, что она проходила обучение в агентстве Пинкертона в Чикаго и что однажды в доках Ост-Индии избила мужчину до потери сознания голыми руками. Верны ли его сведения?

«Что есть истина? – подумала она с раздражением. – Что вообще значит это слово?»

С четырнадцати лет она выживала благодаря мелкому воровству на улицах Чикаго – вот что истина. Как истина и то, что ее мать, которую она не видела почти двадцать лет, поместили в психиатрическую лечебницу для преступников, а больше у нее никого не было во всем мире. В восемнадцать лет она влезла не в тот карман, и схватившая ее за запястье рука оказалась рукой Аллана Пинкертона, частного детектива, железнодорожника и агента разведки северян, но вместо того, чтобы сдать ее в полицию, он предложил ей поступить к нему на обучение, и, к своему удивлению, она согласилась. Он обучил ее искусству работы под прикрытием. Она занималась этим восемь лет и делала свою работу отлично, что могли бы подтвердить десятка два ублюдков, которых она засадила за решетку: это читалось в их полных ненависти глазах, когда они сплевывали и вытирали рот. Но когда управлять агентством стали сыновья Пинкертона, ее отстранили от работы только потому, что она была «хрупкой» женщиной, *не подходящей для детективной работы*. Когда Уильям Пинкертон объявил ей, что она уволена, Элис пробила кулаком стену в его кабинете.

– Какая *хрупкая* у вас стена, – сказала она.

После этого единственным местом, где она смогла найти работу, оказались ипподромы вдоль восточного побережья, а когда иссякла и эта возможность, она купила билет на рейсовый пароход до Лондона (куда же еще) – почему бы и нет? По другую сторону океана лежал темный город, полный порока, головорезов и туманных, освещенных тусклыми газовыми фонарями переулков, – даже женщина-детектив из Чикаго с волосами цвета мутной серы и похожими на молотки кулаками смогла найти в нем занятие по душе.

Шериф с помощником приближались по жаркой улице, вежливо кивая. Последний насвистывал себе под нос какую-то мелодию, плохо и не в такт.

– Мистер Коултон, мы могли бы пройтись вместе, – сказал шериф. – А вы, должно быть, миссис...

– *Мисс* Куик, – представил ее Коултон. – Не позволяйте ее прекрасной внешности обмануть вас, джентльмены. Я привел ее с собой для своей защиты.

Шерифу такое заявление, по всей видимости, показалось забавным. Его помощник держал винтовку, изучая Элис, как некое странное существо, выброшенное из реки на берег, но в его глазах не было ни презрения, ни враждебности. Перехватив ее взгляд, он робко улыбнулся.

– Давненько к нам не приезжали гости из-за границы, – сказал шериф. – Еще с довоенных времен. А ведь когда-то тут прохода не было от разного народа. Французы, испанцы. Однажды здесь даже как-то проживала русская графиня, не так ли, Олвин? Тоже отличалась своеобразным поведением...

Олвин, помощник, покраснел.

– Да, отец что-то рассказывал. Но сам-то я плохо помню. Кстати, я тоже еще не женат, мисс.

Прикусив язык, Элис воздержалась от колкого ответа и только спросила:

– Где мальчишка?

– Ах да. Вы же приехали за Чарли Овидом. – Лицо шерифа потемнело от сожаления. – Тогда идемте.

На мгновение замолчав, он поправил шляпу и нахмурился:

– Не знаю, правильно ли я поступаю. Но учитывая, что вы проделали такой путь и что позже побеседуете с судьей, думаю, особой проблемы тут нет. Просто не хочется, чтобы вы распространялись о том, что увидите. Этот мальчишка сейчас у нас самая больная мозоль. Просто проклятие какое-то.

– Порождение зла, – пробормотал помощник. – Вроде тех, из Библии.

– Каких именно? – спросила Элис.

Он снова покраснел.

– Приспешников Сатаны. Тех монстров, чудовищ, что он создал.

Элис остановилась и оглядела его с головы до ног.

– В Библии такого нет. Вы имеете в виду Левиафана и Бегемота?

– Тех самых.

– Это порождения Господа. Их создал Бог.

На лице помощника отразилась неуверенность.

– О, не думаю, что...

– А стоило бы.

Шериф отпирал тяжеленную дверь склада, замок за замком.

– Англия, говорите, – пробормотал он. – Далековато для черномазого пацана.

– Так точно, – только и кивнул стоявший у него за спиной Коултон.

На последнем замке шериф остановился и оглянулся.

– Знаете, сдается мне, судья ни за что не отпустит этого парня, – произнес он самодовольно. – Ни с вами, ни с кем бы то ни было еще.

– Надеюсь, вы ошибаетесь, – сказал Коултон.

– Ну, тут ничего личного. – Шериф изобразил подобие улыбки. – Кстати, мне самому всегда хотелось увидеть Англию. Моя все время твердит: «Билл, может, пора тебе повесить шпоры на гвоздь да отправиться вместе со мной в путешествие». Ее родители из Корнуолла. Не знаю даже, может, я уже и староват для того, чтобы странствовать по миру, словно бродячий лудильщик. Но путь точно неблизкий, я вам скажу.

На складе было темно, чувствовался слабый кислый запах хлопка и ржавчины. Воздух был удушливый, густой. Сразу за дверью на вбитых в стену гвоздях висели два старых фонаря. Помощник шерифа снял один из них, открыл стеклянную дверцу и кремнем поджег фитиль, после чего закрыл за посетителями дверь. Фонарь свободно раскачивался в его кулаке. Элис разглядела во мраке очертания огромных механизмов, крюков и цепей, длинными петлями свисавших со стропил. Шериф провел их через весь склад к мрачному коридору, стены которого были изрешечены дырами, словно от пуль. Сквозь них пробивался дневной свет. Вдоль противоположной от них стены виднелись очертания дверей, ряд которых завершала одна толстая железная дверь с несколькими замками. Здесь шериф ненадолго задержался.

Его помощник поставил фонарь на пол и с размаху ударил прикладом винтовки по двери.

– Встать! – крикнул он. – К тебе посетители, парень. Стой ровнее!

Повернувшись к Элис, он почти смущенно добавил:

– Не знаю даже, как он там, мисс. Только не пугайтесь. Он немного смахивает на животное.

Элис ничего не сказала.

Дверь распахнулась. Внутри царилась кромешная тьма. В нос ударило ужасное зловоние: запах немывтой плоти, грязи и испражнений.

– Боже правый, – пробормотал Коултон. – Это он?

Шериф прижал платок ко рту и степенно кивнул. Помощник протянул ему фонарь и осторожно вошел внутрь камерки. Элис разглядела прижавшегося к дальней стене паренька, высокого и худого. На запястьях и на щиколотках у него были кандалы, отбрасывавшие отблески света. Проскользнув внутрь, она окинула взглядом потрепанные штаны, запятнанную кровью

рубаху и увидела застывший в глазах подростка ужас. Однако лицо мальчика было гладким, точеным, без синяков и отеков, а ресницы – длинными и темными. Она ожидала увидеть нечто ужасное, но то, что предстало перед ее глазами, можно было назвать скорее странным. Маленькие оттопыренные уши торчали, как ручки чашек. Паренек поднял ладони перед собой, желая защититься от возможных побоев или же будто от света, резавшего ему глаза. Цепи тихо позвякивали в такт его дыханию.

– В жизни не видел ничего подобного, – произнес помощник шерифа едва ли не с восхищением, а потом обратился к Элис: – И никто из нас бы не поверил, не увидь мы это собственными глазами. Все это пятна от его собственной крови, но на нем не осталось ни царапины. Ударь его дубинкой – он лишь отскакивает. Пырни ножом – рана тут же затягивается. Клянусь, одного этого почти достаточно, чтобы поверить в дьявола.

– Да уж, – пробормотала Элис, в тусклом свете оглядывая помощника.

– Давай, Олвин, покажи им, – сказал шериф.

Мальчик втянул голову в плечи.

– Ради бога, мистер Коултон! – пожалуй, несколько громче, чем следовало бы, воскликнула Элис.

Коултон вытянул руку, останавливая помощника шерифа.

– В этом нет необходимости, Олвин, – сказал он спокойно. – Мы верим вам. Потому мы и здесь.

Достав из кармана письмо с инструкциями, написанное их работодателем в Лондоне, он развернул его и поднес к свету. На конверте красовался герб Карндейла. Сургучная печать напоминала кровавый отпечаток большого пальца.

От Элис не укрылось, что Чарльз Овид тоже обратил на конверт внимание. Подросток затаил, по-кошачьи затаился, и лишь глаза его продолжали блестеть в полутьме.

Каморка была вытянутой, но узкой. Элис шагнула вперед, чувствуя, как в ней закипает отвращение при мысли об этих двух мужчинах и их обращении с несчастным бедолагой. Что бы там ни говорил ей Коултон, она понимала, что раны сами по себе не заживают. Черт, некоторые из них вообще никогда не заживают. Об этом она тоже знала не понаслышке.

Она сняла перчатки, обнажив красные с синяками костяшки, и посмотрела на надетые на парня кандалы.

– Для начала можно снять вот это, – бросила она через плечо. – Олвин?

Никто не пошевелился. Шериф посмотрел на Коултона.

– Всё в порядке, сэр, – сказал Коултон, опуская конверт обратно к себе в карман жилета. – Уверю вас. Так нужно для исследования.

Помощник шерифа прошел в дальний конец, опустился на колени, раскрыл кандалы, а затем поднялся и снял с парня наручники. Потом отошел назад, держа в руках позвякивающие цепи.

Элис подошла к Оvidу и взяла его за руки – мягкие, без синяков и царапин. К ее удивлению, на них не было даже мозолей. Но паренек заметно дрожал.

– Так лучше? – тихо спросила она.

Овид ничего не ответил.

– Мисс, – недовольно встрял шериф. – Дамам лучше не прикасаться к таким. По крайней мере, здесь, в Натчезе. Отойдите, пожалуйста.

Элис пропустила его слова мимо ушей. Приподняв подбородок Овида, она взгляделась в его глаза. Вопреки всем пережитым испытаниям, вопреки дрожи и тревоге, он смотрел на нее спокойным, умным взглядом, в котором не читалось никакого страха. Лишь спокойствие и уверенность ребенка, который с ранних лет привык полагаться только на себя. Другие, вероятно, этого не замечали. Но ей это было очевидно.

– Мисс, – снова обратился к ней шериф.

– Чарльз Овид, – прошептала она, не в силах сдерживать возмущение в голосе. – Чарли, да? Меня зовут Элис. А это мистер Коултон. Люди, на которых мы работаем, послали нас, чтобы помочь тебе и увезти тебя отсюда.

Она скорее ощутила, чем услышала приближение шерифа, который взял ее под руку и уверенно, но не грубо отвел в сторону.

– Этот вопрос можно обсудить с судьей. А до тех пор мы будем поддерживать порядок. Но Элис не сводила глаз с Чарли Овида.

Если он и понял ее, то не подал вида, лишь вздрогнул при приближении шерифа и опустил глаза, все так же дрожа в свете фонаря.

Позже тем же вечером Элис с Коултоном сидели в кабинете судьи в прекрасном здании суда, окна которого выходили в сквер. На ней было длинное синее платье с туго затянутым корсетом, и всякий раз, как она шевелилась, ей приходилось с трудом втягивать в себя воздух. Она ненавидела эти неудобства, как ненавидела и слишком мягкие кудри, в которые были завиты ее свежевывмытые волосы, ненавидела помаду на губах. В окна проникали лучи вечернего солнца и путались в занавесках. Судья прошелся по кабинету, включив один за другим газовые светильники, а затем вернулся к своему столу и сел. Он только что пообедал и еще не надел пиджак. Посмотрев на Элис, он перевел взгляд на Коултона.

– Прекрасный вечер, – сказал он, разглаживая свои длинные усы.

Абсолютно пустой, сияющий в красных лучах заходящего солнца стол был сделан из орехового дерева. Судья был грузным мужчиной с дряблой шеей. Элис поразила алебастровая белизна его рук, которые он положил на стол перед собой.

– Не знаю, что именно сказал вам шериф, ваша честь, но хочу заверить, что мы представляем эдинбургский институт Карндейл. Мы приехали из-за мальчика, Овида.

Он достал из лежавшего рядом с ним портфеля письма с документами и рекомендациями и передал их судье. Тот одну за другой изучил бумаги.

– Это какого-то рода клиника?

– Да, сэр.

Судья кивнул:

– Билл говорит, вы хотите забрать мальчишку с собой. Это так?

– Да, сэр.

– Я вот чего не понимаю. Как в вашем институте вообще узнали о существовании этого мальчишки? Вы же, должно быть, отправились из Эдинбурга... сколько... недели четыре назад? Или даже шесть? Тогда он еще никого не прикончил. Представить себе не могу, что на этом свете до него кому-то вообще было дело. Нигде, ни в каких записях он не числится. Все равно что призрак, мистер Коултон.

Коултон кивнул:

– Верно, ваша честь.

– И?

Коултон бросил взгляд на Элис и отвел глаза в сторону.

– В Карндейле стараются брать на заметку все подобные случаи. И предвидеть возможные. В некоторых случаях там заранее прослеживают родословную... подозреваемых.

Коултон развел руками:

– Даже не буду делать вид, что понимаю их методы. Я только знаю, что сотрудники института уже несколько лет искали родственников Чарльза Овида с тех пор, как их внимание привлек его дядя.

Судья двумя пальцами постучал по бумагам и повернулся лицом к окну.

– Знаете, мы убивали этого мальчишку уже дважды, – пробормотал он. – Полагаю, Билл боится его.

– Трижды, – вставила Элис.

Коултон перекинул ногу на ногу, разгладил брюки, повертел в руках шляпу.

– Это... просто особое медицинское состояние, ваша честь. Ничего больше. Вы же образованный человек, сэр, если можно так выразиться. Сами знаете, как легко напугать людей тем, чего они не понимают.

Судья наклонил голову:

– Не просто каких-то людей. Меня он тоже пугает.

Солнечный свет угас, тени от газовых фонарей выхватывали из темноты скуластое лицо судьи, морщины вокруг его усталых глаз.

– Но как это связать с проблемой правосудия? Чарльз Овид убил человека.

– Да, сэр, убил.

– Белого, – подчеркнула Элис. – Разве не в этом заключается главная проблема?

– Да, мэм, белого. Я знал Хэнка Джессапа. Возможно, его и нельзя было назвать джентльменом, но он был честен и порядочен. Каждое воскресенье я видел его в церкви. Целый город возмущенных граждан заваливает меня гневными письмами о том, куда катится наш округ. Половина из этих людей настроена на старое доброе линчевание.

– А другая половина? – едким тоном спросила Элис.

– Чарльза Овида казнили на прошлой неделе в частном порядке, – прервал ее Коултон. – Насколько я знаю. И насколько всем известно.

– Не совсем. Для начала есть Билл с Олвином. Еще малыш Джимми Мак, который находился в тюрьме той ночью. И жёны. Жёны Билла и Олвина. Дам руку на отсечение, что они тоже знают правду.

– Не забудьте тех, кому помощник шерифа целую неделю позволял избивать мальчишку ради забавы, – горько добавила Элис.

Судья молча посмотрел на нее.

– Ваша честь, если позволите, – поспешил сказать Коултон. – Кто поверит, что в тюрьме Натчеза в цепях сидит черномазый мальчишка, которого не берут даже пули? В этом есть что-то библейское. Словно некое чудо. Это просто невозможно, что бы там ни болтали жёны помощников за чашкой чая. Подумаешь, досужие сплетни. Разве кто-то станет возражать, если вы выступите с официальным заявлением о казни преступника?

– Но это будет ложь, – сказал судья.

– Так ли? – хмыкнул Коултон, разглаживая брюки. – Единственная проблема – это ходячий труп, от которого, похоже, вам не удастся избавиться. Мальчишка, совершивший убийство, помер. Перестал дышать. Неважно, что позже он вернулся к жизни. Приговор был приведен в исполнение, справедливость и правосудие восторжествовали. Я ни в коей мере не утверждаю, что это какой-то рядовой случай. Но в том, что касается правосудия, я не вижу никаких затруднений. Да, те, кто знает, что он до сих пор расхаживает по белому свету, могут не согласиться. Но вот вам и решение: мы представляем шотландскую клинику, и заверяю вас, что если вы отдадите мальчишку нам, то он никогда не вернется в Натчез, штат Миссисипи. Пока такое физиологическое состояние изучено не до конца, но, насколько можно судить, оно обычно приводит к летальному исходу. Мальчишке осталось жить от силы несколько лет.

– «Несколько лет»?

– Да, сэр.

– Так почему бы мне не назначить ему десять лет каторги?

– А избирателям это не покажется слишком мягким наказанием?

Элис наблюдала, как судья впитывает все это. Всю свою жизнь она знала мужчин, подобных этому, мужчин, которые были убеждены в своей правоте, самодовольно взирая на нее, как на «красивую штучку», и не желая выслушивать никакие доводы тех, кого считают ниже себя. На мгновение ей пришло в голову, что она должна постараться соответствовать его ожиданиям: восхищаться им, поддакивать, мило болтать, хлопать ресницами. Но нет. Она до такого не опустится.

Судья в полумраке изучал посетителей, сложив пальцы домиком. Затем вздохнул, повернулся и посмотрел в окно.

– Моя хозяйка печет такой яблочный пирог, какого вы никогда в жизни не пробовали. Три года подряд этот пирог получал голубые ленты на пикнике Дочерей Конфедерации. И сейчас на моей кухне на тарелке лежит холодный кусок этого пирога. Мне жаль, что вы проделали такой долгий путь.

Коултон прочистил горло и встал. Элис тоже встала, ощущая, что ее платье задирается до самых щиколоток. Коултон вертел в пальцах свою шляпу.

– Может, не стоит торопиться, сэр? Обдумаете все как следует сегодня вечером и ночью, а завтра утром мы могли бы вернуться и...

– Мистер Коултон. Я согласился встретиться с вами только из вежливости, вот и всё.

– Ваша честь...

Судья поднял руку.

– Ваш мальчишка покинет камеру только в ящике из соснового дерева, – тихо произнес он. – И мне все равно, будет он в нем шевелиться или нет.

– Сукин сын, – прошипела Элис, когда они спускались по ступеням суда.

В самом неженственном жесте она засунула руку под юбку и потянула за застёжки корсета, ослабляя их, чтобы как следует вздохнуть. Уже стемнело, но дневная жара еще не спала. В теплой ночи громко стрекотали цикады.

– И ради этого я надевала платье?

– Да, но это того стоило. Только посмотри на себя. Будем надеяться, что нам не попадетя по дороге этот помощник шерифа, Олвин. Иначе он точно захлебнется слюнями, увидев тебя в таком наряде.

Элис сдержалась от колкого замечания. Она все еще слишком злилась, чтобы отвлекаться.

– Так это правда, что бедняге осталось жить всего несколько лет?

– Чарли Овид переживет всех нас, – вздохнул Коултон.

– Они все так чертовски уверены, что этот ребенок подобен Иисусу. Но от этого ему только хуже. И с чего они взяли, что ему неведомы страдания?

– О, страдать-то он может. Просто исцеляется и не умирает, вот и всё.

Что-то в тоне Коултона заставило ее задуматься.

– А ты сам-то веришь в это?

– Я не видел на нем никаких отметин, – пожал он плечами. – А ты?

– Может, и заметила бы, если бы ему подняли рубаху. Или, может, у него ноги – сплошное кровавое месиво. Насколько внимательно ты присматривался?

Коултон пожал плечами.

– Достаточно, чтобы понять, что мир не такой, каким я хочу его видеть. Послушай, – продолжил он мягким тоном. – Мне нужно, чтобы ты переделалась, а потом отправила свой багаж на пристань. Расплатись по счетам. Встретимся в отеле через час. Думаю, хватит с нас этого городишки, Натчеца.

Элис резко остановилась под статуей какого-то павшего генерала Конфедерации посреди поросшей травой пустой площади. Через мгновение Коултон тоже остановился и медленно пошел обратно.

– Я не уйду без этого ребенка, – решительно сказала она.

По улице проехал экипаж. Фонари на нем медленно раскачивались.

Коултон подошел ближе.

– Я тоже, – ответил он уверенно.

Было девять часов, когда они вышли из холла отеля и направились по набережной Сильвер-стрит к реке, а затем по переулкам к старому складу. В свете южной луны вырисовывалось темное, выцветшее здание. Довольно долго они стояли в тени, а затем, не говоря ни слова, пересекли улицу. В кармане пальто Коултона что-то позвякивало. Элис настороженно озиралась по сторонам, но поблизости никого не было.

Коултону понадобилась всего минута, чтобы встать на колени перед толстой дверью и отпереть замок. Он поднялся, молча посмотрел на Элис, а потом потянул дверь на себя и скользнул в темноту, напарница последовала за ним. Фонаря у них не было, но они уверенно шли по проходу, в котором уже побывали днем. У каморки Овида Коултон снова достал кольцо с отмычками и ловким движением открыл замки.

Внутри царил кромешная тьма. Элис долгое время ничего не могла разглядеть, и ей стало интересно, видит ли их мальчик. Прочистив горло, Коултон прошептал:

– Чарли, парень? Ты здесь?

Элис на мгновение испугалась, что мальчика увели, но потом услышала в темноте вздох, звон цепей, и в едва заметном ореоле лунного света выросла фигура. Похоже, пленник несколько не удивился неожиданным посетителям.

– Давай-ка сниму... – пробормотал Коултон.

Теперь, когда ее глаза привыкли к темноте, Элис внимательно смотрела на мальчика.

– Мы пришли вытащить тебя отсюда, – сказала она. – Пойдешь с нами?

Но Овид лишь неподвижно стоял, продолжая рассматривать их в темноте. Его странное спокойствие настораживало.

– Бумаги, – прошептал он низким хриплым голосом, как будто давно не разговаривал. – Где они?

– Какие бумаги? – заморгал Коултон. – О чем он?

До Элис вдруг дошло:

– Письмо из Карндейла, которое ты показывал шерифу. Где оно?

Коултон достал из кармана жилета конверт и открыл его.

– Да тебе оно все равно без толку, парень. Просто инструкции, формуляры, юридические документы.

Но Овид, не обращая внимания на письмо, схватил конверт и пробежал пальцами по гербу Карндейла, на котором были изображены два скрещенных молотка на фоне огненного солнца.

– Что это? – прошептал он.

– Паренек, времени у нас немного... – начал Коултон.

– Это герб института Карндейл, Чарли, – ответила Элис. – Который нас и нанял. Мы на него работаем.

Тут ей в голову пришла мысль:

– Ты раньше видел этот символ? Он что-то значит для тебя?

– Сюда идут, – прошептал мальчик.

Элис замерла.

А затем и сама услышала приближающийся скрип мужских сапог. Бесшумно скользнув ко входу, она тихо закрыла дверь и прислонилась к стене за ней. Коултон встал рядом с ней, наматывая на кулак цепь. Неизвестный засвистел, и Элис узнала его: это был помощник шерифа Олвин. Коултон похлопал себя по карманам.

– Пистолет при тебе? – прошипел он.

Но она специально не взяла с собой оружие, потому что знала, что громкий звук выдаст их и обязательно привлечет нежелательное внимание. В любом случае достаточно будет лишь кулаков.

Вдруг Овид в одно мгновение оказался перед ними и уже шарил в карманах Коултона, а тот стоял пораженный, просто позволив ему достать самую острую из отмычек. Присев на край скамейки, паренек закатал рукава, крепко зажал отмычку в правом кулаке, как вилку, и резким движением, не издав ни звука, ударил себя по правому предплечью, погружая отмычку глубоко в плоть и доводя глубокую рваную рану почти до запястья.

– О господи! – прошептала Элис.

Кровь черными каплями стекала в темноту, мальчик стиснул зубы и резко задышал через нос, пуская пузыри. Затем уронил отмычку, с лязгом упавшую на пол, погрузил пальцы в зияющую рану и вытащил из нее тонкий шестидюймовый заостренный кусок металла. Клинок.

И тут же, к удивлению Элис, рана на его руке начала затягиваться и исчезать, оставляя после себя только пятна крови, порванный рукав и липкую лужицу на полу.

Происходящее казалось сном. Не говоря ни слова, Чарли выпрямился и встал у двери, дрожа всем телом, но крепко сжимая в правой руке оружие.

Под дверью показался оранжевый свет, загрохотали массивные замки. Раздался бодрый голос помощника шерифа:

– Похоже, ты у нас еще удержишься, парень.

Дверь широко распахнулась и на мгновение закрыла Элис обзор, так что она не видела ни Чарли, ни помощника шерифа, а лишь заметила, как упал фонарь, и услышала удивленный возглас, после чего послышался удар чего-то тяжелого о пол. Фонарь разбился, наступила темнота.

Сжав кулаки, Элис выпрыгнула из-за двери, но помощник шерифа уже был мертв. Он лежал на полу с воткнутым в горло лезвием. Чарли уставился на него.

– Что это, *черт побери, было?* – не сдержалась она.

Но Коултон казался совершенно спокойным.

– Позволь-ка взглянуть, сынок, – сказал он, схватив мальчика за запястье, и принялся вертеть его руку, пока тот не отдернул ее.

Встав над мертвецом на колени, Чарли выдернул клинок, с хлюпаньем вышедший из тела, вытер оружие о свои штаны и засунул за пазуху.

– Почему вы пришли за мной? – прошептал он дрожащим, несмотря на уверенные движения, голосом.

Элис, все еще испытывавшая потрясение, не знала, что сказать.

– Потому что это наша работа, – наконец ответила она. – И потому что никто бы больше не пришел.

– Это было необязательно.

– Почему?

– Я бы этого не сделал.

– У нас нет времени на всякие разглагольствования, – вмешался Коултон. – Пароход отплывает через пятнадцать минут. Нужно поспешить.

Элис задержала взгляд на мальчике.

– Может, когда-нибудь и придешь, – сказала она. – Когда-нибудь, когда тебе будет за кем приходить.

Коултон уже снимал плащ и протягивал мальчику свой котелок. В этой одежде, которая была ему коротка, Чарли выглядел забавно, но ничего другого все равно не оставалось. Элис стянула с помощника шерифа башмаки, и мальчик надел и их тоже. По примерным расчетам у них оставалось минут десять, прежде чем отсутствие помощника должны были заметить и пойти его искать. Подвернув на мальчике рукава плаща, Элис застегнула его поверх окровавленной рубахи, подняла воротник и хмыкнула.

– Ну ладно, пойдем.

Коултон уже шел впереди и махал им рукой. Они быстро покинули склад, вернулись на освещенную лунным светом улицу и пошли вдоль стены к пристани. После затхлого склада воздух снаружи казался чистым и неправдоподобно приятным. Элис старалась не думать об увиденном, о мальчике и о спрятанном в его руке лезвии. Старалась, но все же не могла.

Возле пристани стоял освещенный огнями большой колесный пароход. В волнах рябило его отражение, матросы суетливо возились с грузом и канатами. Коултон провел их по мостику к небольшой кассе и негромко поговорил с человеком за стойкой. Через пару минут они поспешили обратно и по трапу поднялись на палубу парохода. Чарли натянул котелок на глаза, поднял воротник и засунул руки в карманы, но, на взгляд Элис, по-прежнему походил на чернокожего паренька в неподходящей по размеру одежде и нелепо больших ботинках, надетых на босу ногу. Как бы то ни было, замысел Коултона сработал – их никто не остановил, и через несколько минут они уже следовали по коридору за носильщиком к своей каюте. Снаружи слышались крики матросов, сбрасывающих канаты. Пароход качнулся и лениво двинулся к центру темной Миссисипи.

Элис с Коултоном сидели в салоне – единственные посетители в столь поздний час – и ужинали.

Чарли, притворившегося спящим, они оставили в каюте. Завязывать руки они ему не стали, предположив, что если они покажут, что доверяют ему, то и он будет доверять им. Газовые фонари были притушены, снаружи доносились слабые всплески гребного колеса. Прислонившись к латунным перилам стойки, за ними через зеркало наблюдал чернокожий официант. Коултон отрезал свой стейк маленькими кусочками, накалывал их на вилку вместе с картофелем и макал в подливку. У Элис аппетита не было.

– Ты знал? – спросила она. – Ты знал, что он на это способен?

Коултон поймал ее взгляд.

– Нет, – ответил он тихо.

Элис покачала головой.

– Это и пытался объяснить нам шериф. Пытался предупредить нас.

– Да, все эти дети, сироты... все они по-своему ненормальны. Но это не делает их какими-то монстрами.

Элис задумалась:

– Так ли? А может, наоборот, как раз и делает?

– Нет, – уверенно произнес Коултон.

Она продолжила сидеть, сложив руки на коленях, и смотреть в тарелку. Во всех этих сиротах действительно было нечто странное, не поддающееся выражению, – то, о чем они с Коултоном не смели заговорить, слыша лишь вихри слухов из какой-то прежней жизни.

– Он мог уйти в любой момент, – медленно произнесла она. – Он хранил *в себе* нож. Все это время. Почему он не попытался сбежать раньше?

Она подняла голову. Вспомнив, насколько уверенным выглядел Коултон в подсобке, она вдруг почувствовала себя одураченной, как будто ей соврали.

– Так что же такое «Институт Карндейл» на самом деле, мистер Коултон? Только не говорите, что он изучает детей с *«особыми медицинскими состояниями»*. На кого я работаю?

– Что ж... во-первых, мы хорошие люди.

– Ну конечно.

– Это так и есть.

– Все называют себя хорошими.

Но Коултон был настроен серьезно. Пригладив волосы, он нахмурился:

– Перед нашей поездкой я сказал миссис Харрогейт, что вы заслуживаете знать больше. Она не была уверена в вашей... готовности. Но, думаю, сейчас как раз то самое время. Просто сформулируйте вопросы в своей голове, и вы сможете задать их ей, когда мы вернемся в Лондон.

– Она действительно хочет встретиться со мной?

– Да.

Элис удивилась, потому что до этого встречалась со своим работодателем напрямую всего лишь раз. Но ответ Коултона ее удовлетворил, и она взяла в руки вилку и нож.

– Не знаю, как вы всё это терпите, – сменила она тему. – Всех этих людей. Этого чертового судью. На вашем месте я бы сразу выбросила его из окна.

– И что бы это нам дало?

– Кое-что дало бы. По крайней мере, у меня стало бы лучше на душе.

– Я немного разбираюсь в том, как устроен этот мир, мисс Куик. Вежливость здесь важнее правды. Гораздо важнее.

Она подумала о дрожащем мальчике в лохмотьях, которого держали под замком на складе.

– Вежливость, – повторила она.

– Да, – слегка усмехнулся Коултон. – Для вас, пожалуй, это трудновато.

– Я могу быть вежливой.

– Конечно.

– Что? Да, могу.

Коултон отложил приборы, проглотил еду, отпил вина, вытер рот и посмотрел на нее.

– За всю свою жизнь я не встречал человека, смахивающего на нарыв на ярко-красном заду пекаря больше, чем вы, Элис Куик. И это я еще выражаюсь в самой учтивой манере.

Он потянулся в карман пальто и достал небольшой сложенный листок бумаги.

– Доставлено посыльным в гостиницу, – сказал он, снова принимаясь за ужин. – Новое задание. Имя – Марлоу. Вы должны отправиться в следующее место: цирк Бичера и Фокса в Ремингтоне, штат Иллинойс.

– В Ремингтоне.

– Так точно.

– В Ремингтоне находится лечебница моей матери. Ну, или где-то там поблизости.

– Для вас это проблема? – взглянул на нее Коултон.

Немного помедлив, она помотала головой:

– Всё в порядке. Просто кажется, что все опять пойдет через задницу.

Она помолчала.

– Погодите-ка. Я должна отправиться? А вы?

– Я буду сопровождать Овида до Лондона.

Коултон достал из кармана еще один конверт:

– Здесь билет на речное судно до Сент-Луиса, отплывающее с первыми лучами солнца. Не волнуйтесь, в Натчез он не заходит. До Ремингтона вы доберетесь по железной дороге. Заодно здесь несколько рекомендаций, которые я потрудился написать на ваше имя, документы и прочее. А также лондонский адрес, по которому вы найдете миссис Харрогейт. Если что-то случится, свяжитесь с ней напрямую. И вот еще несколько банкнот на дорожные расходы и два билета первого класса на пароход, отбывающий из Нью-Йорка через восемнадцать дней.

Он прожевал очередной кусок стейка.

– А также письменные свидетельства о том, что этот парень, Марлоу, был в младенчестве украден кормилицей и вывезен из Англии, что его семья наняла вас, чтобы вы его разыскали, и так далее и тому подобное.

Элис просмотрела бумаги:

– У него есть какие-то опознавательные черты?

– Да. Родимое пятно.

– Это необычно.

Коултон кивнул.

– И что из всего этого правда?

– Кое-что. Достаточно.

– Но это лишь еще один сирота.

– Так точно.

– Ну... если только я не увижу, что он вытаскивает из своих чертовых рук ножи...

Коултон улыбнулся.

Элис подцепила вилкой кусочек стейка и прожевала его.

– А почему меня отправляют туда одну?

На лице Коултона отразилось какое-то странное чувство.

– Дошли сведения о... кое-каких обстоятельствах, – ответил он неохотно. – Я услышал об этом прямо перед тем, как мы покинули Ливерпуль. О том, что объявился некий мужчина, задающий вопросы. О Миссисипи, о валюте США. Проявлявший, если можно так сказать, *интерес* к детям, которыми интересовались и мы. И совершенно точно собиравший сведения об Овиде. Я даже опасался столкнуться с ним здесь, в Натчезе. И боюсь, как бы он не встретился нам теперь на обратном пути.

Некоторое время Элис молча изучала лицо Коултона:

– Он детектив?

Колтон покачал головой:

– Он был связан с институтом. Его зовут Марбер. Джейкоб Марбер.

– Джейкоб... Марбер.

– Так точно.

Что-то в тоне Коултона вновь заставило ее задуматься, и она отложила вилку и нож на тарелку.

– Вы знали его, – сказала она.

– Я знал о нем, – поправил ее Коултон, разглядывая свои руки. – У него была необычная репутация. Джейкоб Марбер – опасный человек, мисс Куик. Если он охотится за Чарльзом Овидом, то лучше доставить паренька в Лондон как можно быстрее. А вам с этим Марлоу в Иллинойсе ничего не угрожает.

Коултон нахмурился, как бы решая, стоит ли говорить дальше.

– Марбер в чем-то обвинил институт – не знаю, в чем именно. Возможно, в результате какого-то происшествия кто-то погиб. Неважно. Мы потеряли его след много лет назад, и с тех пор о нем ничего не было слышно. Кое-кто до сих пор считает его мертвым. Но не я. Уж слишком он был хорош в своем ремесле, стал одним из лучших.

– И чем же он занимался?

Коултон встретился с ней взглядом:

– Тем же, чем и мы. За исключением того, что он действовал более кровавыми методами.

Элис задумалась:

– А как его узнать? Вдруг я встречу его?

– Вы узнаете. Уж он-то точно вас напугает.

– Я не боюсь.

Коултон вздохнул:

– Бойтесь. Просто еще не понимаете этого.

Элис сложила руки на коленях и вдруг ощутила пробежавший по спине холодок. Она рассматривала их с Коултоном отражения в искривленном стекле иллюминатора, в темноте которого таились мощные потоки Миссисипи, рассматривала официанта, стоявшего с заложенными за спину руками. Разглядывала плюшевые зеленые кресла и хилые папоротники в горшках. И все это в туманном сиянии газовых светильников.

– Он пожалеет, этот ваш мистер Марбер, – сказала она наконец. – Если вдруг решит заехать в Ремингтон.

Коултон устало улыбнулся, оценив ее боевой настрой, но улыбка его быстро померкла, он отодвинул тарелку и поднялся на ноги, вытирая жирные пальцы салфеткой.

– Было бы лучше, если бы вы к тому времени оказались далеко оттуда, – произнес он тихо.

3. Ребенок на краю света

Прошло тринадцать месяцев с тех пор, как Бринт в последний раз приснился Сон. Но вот он вернулся, такой же кошмарный, как и всегда, и напугал ее настолько, что она боялась заснуть всю ночь и до утра сидела в своем темном вагончике, попивая крепкий кофе и разглядывая в лунном свете личико Марлоу, тихо посапывающего в своей кровати, повторяя себе, что ничего не случилось, что все хорошо, что они в безопасности.

Но глаза ее всякий раз постепенно тяжелели, она начинала клевать носом, и тогда Сон возвращался.

Начинался он всегда одинаково. Она сидит на корточках в своем детском платяном шкафу, стараясь спрятаться, приюхиваясь к едкому запаху нафталина и прислушиваясь к шороху одежды. Все происходит ночью, она в доме своего дяди в Сан-Франциско и, приоткрыв пальцем дверцу, видит проникающий внутрь лунный свет. Она как будто вновь становится маленькой девочкой, но при этом все же остается взрослой Бринт, уставшей и измученной заботами, а где-то неподалеку от страха хнычет маленький Марлоу. Она медленно выбирается из шкафа, берет мальчика за руку и прикладывает палец к губам, требуя тишины.

Вместе с ними в доме находится кто-то еще.

Бринт с Марлоу идут в холл. Крутая узкая лестница, площадка в серебристом свете. Все двери в комнаты открыты и погружены в тень. Они – и Бринт, и ребенок – до невозможности медленно спускаются ступенька за ступенькой. Она напрягает слух, пытаясь уловить звуки другого *существа*, где бы оно ни скрывалось.

И тут до нее доносятся эти звуки. Шаги над головой. С третьего этажа вокруг начинает расплываться крошечная тьма – медленно, в окружении вороха темных искр. Бринт бросается бежать, перескакивая по две ступеньки за раз, таща за собой мальчика. Но тьма устремляется за ними – неимоверно быстро, и из нее высовывается длинная-предлинная рука с бледными, скрюченными и неестественно вытянутыми пальцами. Кажется, что она всасывает в себя любые остатки света. Марлоу кричит. Тьма сгущается, формируя фигуру без лица; там, где должен быть рот, она видит всего лишь...

Бринт рывком села на кровати, скидывая с себя одеяло и ощущая холодный пот на лбу. Сквозь узкое, высоко расположенное оконце светили звезды. Она смахнула с лица волосы.

Марлоу.

В кровати его не было. Она в панике сползла с койки. Половицы циркового вагончика закрипели под ее весом. Откинув потрепанную занавеску, она увидела мальчика: он сидел за столом, ел бутерброд с маслом и разглядывал гравюры в какой-то книге. Ею оказался «Ад» Данте с иллюстрациями Доре, на которых был изображен бешеный хоровод мятущихся, корчащихся в муках душ, – давний подарок его преподобия, единственная книга в вагончике, помимо Библии. Сердце великанши заколотилось где-то в пятках.

– Все в порядке, дорогой? – выдавила она из себя. – Чем занимаешься?

– Читаю.

Она села рядом с ним:

– Не спишь?

– Ты снова говорила во сне. Опять тот самый сон?

Посмотрев на него, она медленно кивнула.

– Я там был?

Она снова кивнула.

Звездный свет отражался от его черных волос, от рукавов его ночной рубашки. Марлоу смотрел на нее темными серьезными глазами. Лицо его было бледным, почти как у мертвеца.

– На этот раз я тебя спас?

- Да, спас, мой милый, – солгала она. – Ты всегда спасаешь меня.
- Хорошо, – удовлетворенно сказал он и обнял ее.

Она провела рукой по его волосам. В последний раз Сон был таким ярким на неделе, когда умер его преподобие, то есть больше года назад, еще в той сырой, заплесневелой комнате в Спиталфилдсе. После того дня, как мать Марлоу исчезла в тумане, его преподобие продержался еще два года, и все это время Бринт присматривала за ними обоими, за маленьким мальчиком и за умирающим мужчиной, половину времени злясь на Элизу, а остальное время страшая за ее судьбу. Она всегда надеялась на ее возвращение, но та так и не дала знать о себе. Мальчик не вспоминал о том дне и даже почти никогда не говорил о своей матери, разве что по вечерам, когда погружался в сон. Конечно, Бринт знала, что Элиза Маккензи Грей не была его настоящей матерью, но бедняжка спасла ребенка от неминуемой гибели и заботилась о нем как о родном. Если это нельзя назвать материнской любовью, то что тогда вообще значит «мать»?

Но теперь Сон вернулся. Сидя за столом и обнимая Марлоу, Бринт испытывала в кончиках пальцев странное покалывание, похожее на предчувствие, почти как перед переменной погоды, и потому ощущала неизбежность чего-то плохого – того, что обязательно наступит, пусть даже они к этому и не готовы.

Марлоу кое-чем отличался от других детей.

Бринт об этом прекрасно знала. Прежде всего, очевидно, что это было сияние. Иногда от кожи Марлоу начинал исходить странный голубоватый свет, а сам он смотрел на нее таким до боли отчаянным взглядом, что ей становилось ясно: никакой это не фокус и не баловство. Вряд ли мистер Бичер с мистером Фоксом по-настоящему понимали, что это, – артистам цирка дозволялось хранить свои тайны, секреты своего ремесла. Скорее всего, они считали, что ребенок размалевывает себя какой-то светящейся краской, например с добавлением иридия, вроде того, как это делают английские медиумы, изображая на своих сеансах «эктоплазму». И неважно, что сияние было более странным, более красивым, как будто исходило изнутри, так что складывалось впечатление, что под кожей мальчика можно разглядеть его яркие вены, кости, легкие и прочие внутренности.

Однажды, когда она раскрашивала свое лицо для вечернего выступления, Марлоу признался ей в своем страхе:

- Что, если я однажды просто не смогу остановиться, Бринт? Что тогда?
 - Тогда мы всегда с легкостью будем находить дорогу в темноте.
- Его взгляд, отражавшийся в зеркале, был печальным и до мрачности серьезным.
- Позволь мне беспокоиться за нас двоих, хорошо? – добавила она.
 - Мама говорила, что у меня есть выбор. Что я всегда могу выбирать.
 - И это правда.
 - Но ведь не все же время? Ну, то есть я про выбор. Нельзя же все время выбирать.

Казалось, он думает о чем-то более темном, более тревожном. Уж не о своей ли матери, Элизе?

- Да, иногда выбирать не приходится. Это тоже верно.
- Ну да, – кивнул он.

Она посмотрела на него – посмотрела *по-настоящему*. Так, как он сам изучал в зеркале свое серое лицо, прикусывая губу и откидывая нависавшую над глазами копну черных волос. Отложив грим, она крепко прижала его к себе.

– Ах, дорогой, – произнесла она и вздохнула так, как вздыхала всякий раз, когда не знала, что еще сказать.

Теперь, держа одной рукой подол юбки, она пробиралась сквозь утреннюю грязь и растяжки палаток к конторе мистера Бичера. Стараясь не отставать, Марлоу едва ли не бежал.

Бичер, один из двоих партнеров-хозяев, считался управляющим и казначеем. Ночью Бринт решила, что разговор с ним все равно неизбежен, но сразу после завтрака к ним в вагончик постучалась девушка и сообщила, что их с мальчиком ждут в конторе мистера Бичера – *по возможности прямо сейчас*. Бринт не верила в совпадения, а верила, напротив, в закономерности и в то, что все в мире происходит не просто так, независимо от ее понимания. Вспомнив о сне и о том чувстве, которое он вызвал и которое еще не развеялось до конца, она нахмурилась и потянулась за шляпой.

Повсюду воняло лошадьми и сеном, валялись втоптанное в грязь афиши и мусор. На ступеньках фургонов на корточках сидели небритые артисты, прихлебывая кофе из жестяных кружек, – те, чьи способности обычно казались людям отталкивающими. Уроды, клоуны, предсказатели судьбы и пожиратели огня. Все они потемневшим взглядом следовали за ними. Бринт с Марлоу жили в цирке и выступали между основными номерами уже шесть недель, но до сих пор считались чужаками, и общались с ними немногие. Великанша, впрочем, не возражала. Она прожила среди таких людей всю жизнь и знала, что они ничем не хуже других и ничем не лучше нее, несмотря на все их странности. Люди всегда лишь люди, и это в основном означает, что они всегда стараются ухватить кусок побольше.

Она всегда была не такой, как все, всю свою жизнь.

– Ты белая ворона, – повторял ее дядя, когда она была еще девочкой и они жили в Сан-Франциско в многоквартирном доме, которым он управлял.

В определенных кругах он считался довольно известным борцом и выигрывал один бой за другим, пока однажды вечером не проиграл, после чего начал медленно заболевать: его мучили головные боли, его руки распухали так, что кулаки не могли сжиматься до конца, а речь становилась невнятной. Он научил Бринт бороться, и к десяти годам она могла справиться с любым мальчишкой с любой улицы. Иногда ей казалось даже, что драки – это все, что она знала в жизни. Впрочем, дядю она любила, потому что он был добр к ней и никогда, несмотря на большой рост и огромную силу племянницы, не заставлял ее чувствовать себя странной. Порой она удивлялась, вспоминая, сколько всего повидала в жизни, например: через год после смерти дяди встретила в Сан-Франциско его преподобие и поехала с ним на юг, в Мексику. Именно там она сделала свою первую татуировку. Позже они с преподобным отплыли в Англию, после чего странствовали по Испании, а затем снова прибыли в Англию. Теперь, вернувшись в Америку, она осознала, что нет такого места, которое она полноправно может назвать своим домом.

Погрузившись в воспоминания, она брела по ярмарочному лагерю. Марлоу семенил за ней, перепрыгивая лужицы и грязь. На душе у нее было беспокойно. В холодном воздухе раздался двойной удар молота, затем еще один, словно предупреждая их. Престарелый клоун в рубашке и жилете окунулся лицом в бочку с водой, держа в руках бритву, и серьезно кивнул им, когда они проходили мимо. У забора шла женщина во фраке поверх длинных панталон, которая тащила ведро с водой. На темном фоне неба вырисовывался длинный ряд низко нависших облаков.

Она не знала, чего хочет мистер Бичер, но подумала, что они с Марлоу в любом случае работали в этом балагане слишком долго – уже больше месяца, – пора было двигаться дальше.

Их было трое. Они сидели вокруг рабочего стола мистера Бичера в забрызганной грязью палатке, которую он называл своим кабинетом, и все как один повернулись, когда она вошла. Дверной проем был низким, и Бринт пришлось наклониться. Она протянула руку и почувствовала, как Марлоу сжал своим маленьким кулачком два ее пальца. Среди присутствовавших была женщина в синем бархатном платье и широкополой шляпе, аккуратно надвинутой поверх соломенных кудрей так, чтобы глаза оставались в тени. Под подолом ее юбки Бринт разглядела забрызганные грязью сапоги. Когда глаза великанши чуть привыкли к полумраку, она увидела, что нос женщины когда-то явно был сломан и теперь посажен криво, а глаза ее смотрят жестко и холодно. Вообще, во всем ее виде ощущались свирепость и подозрительность, которые при других обстоятельствах могли бы даже понравиться Бринт.

Мистер Фокс, как всегда изображавший из себя джентльмена, вежливо встал, но Бичер просто откинулся в кресле, мрачно пожевывая сигару.

– А вот и она, великанша Бринт собственной персоной, – нагло заявлял он. – Кстати, хорошо, что ты привела ребенка, дорогуша. Это мисс Элис Куик, частный детектив из...

– Англии, – закончила незнакомка, с любопытством поглядывавшая на Марлоу.

– С отдаленных островов прекраснейшей Англии. Мисс Куик как раз рассуждала о том, что тут легко совершить ошибку, не так ли? Ну да, спутать одного похищенного мальчишку с другим.

– Я не говорила слова «похищенный», – тихо сказала женщина.

Бринт медлила, изучая их лица и давая глазам привыкнуть. Затем повернулась к хозяину:

– Мистер Фокс, прошу, объясните, в чем дело.

– Дело в мальчике, мисс Бринт. В вашем Марлоу. Поправьте меня, если я не прав, но, насколько мне известно, он не приходится вам кровным родственником.

Бринт ничего не ответила, и мистер Фокс, словно извиняясь, прочистил горло.

– Прошу вас, садитесь. Я уверен, вам всё сейчас объяснят. Привет, сынок.

Марлоу молча оглядывался по сторонам.

В палатке, освещаемой только одним старинным фонарем, стоявшим на углу стола, было тесно. Бринт вдруг подумала, что она может просто схватить Марлоу и выйти, и никому из находящихся в кабинете не удастся ее остановить, даже этой женщине, так называемому детективу. Она помнила, что Элиза впуталась в Англии в какую-то дурную историю, но не хотелось выяснять, есть ли между теми событиями и нынешним визитом незнакомки какая-то связь.

– На самом деле его зовут Стивен Халлидэй, – сказала женщина, мисс Куик, с подозрением поглядев на Марлоу, который прижимался к руке Бринт, а затем снова на великаншу. – Может, ему пока что лучше побыть снаружи? Ради его же собственного блага.

Но никто не ответил и даже не пошевелился: лишь Марлоу тихо переступал с ноги на ногу. Приняв, по всей видимости, какое-то решение, женщина продолжила:

– Восемь лет назад Стивена Халлидэя похитила его кормилица. Это произошло в Норфолке, в Англии. Все это время родные мальчика разыскивали его. Я прибыла сюда по их поручению. Со всеми необходимыми бумагами, разумеется.

Она достала из внутреннего кармана толстый, перевязанный бечевкой конверт и положила его на стол. Бринт развернула документы и под пристальными взорами остальных присту-

пила к чтению. В конверте лежали различные формуляры и досье со штемпелями лондонских и нью-йоркских контор. Поняла Бринт далеко не все, но большинство документов доказывали личность мальчика и описывали историю его похищения. Также она обнаружила рекомендации и лицензии на имя мисс Элис Куик, подписанные неким лордом Халлидэем, признававшим ее его законным представителем в данном деле. Если верить документам, Марлоу был похищенным в младенчестве наследником Халлидэев, имеющих огромные владения на востоке Англии, которого с тех пор, как он исчез в лондонском смоге, его семейство постоянно разыскивало. В бумагах говорилось, что его можно опознать по родимому пятну в форме ключа на спине. У Бринт закружилась голова, к лицу прилил жар. Она знала, о чем идет речь. Знала это пятно.

– Мне очень жаль, что это выяснилось при таких обстоятельствах, – тихо сказала мисс Куик. – Семья мальчика, конечно же, будет вам очень благодарна.

– Нет, – вырвалось у Бринт, и она тут же пожалела об этом ответе.

Мистер Бичер разгладил пальцем усы и посмотрел на мистера Фокса, сжимая зубами дымящуюся сигару. Бринт подумала о Сне и о своем чувстве, что надвигается нечто плохое. Она постаралась сосредоточиться на этом ощущении, но не смогла. Великанша медленно закатала рукава, обнажив покрытые татуировками руки. Да что с ней не так? Ведь это его настоящая семья. Его настоящая мать. Его *дам*.

Мисс Куик внимательно наблюдала за ней, словно читая по ее лицу все мысли.

– Прошу прощения, мисс Бринт, но это юридическое постановление. Не просьба.

– На ее стороне закон, – сказал мистер Фокс. – А нам не нужны проблемы.

– Какой еще закон? – спросила Бринт, собираясь с духом. – Законы Англии тут не действуют.

– Тот факт, что вам было известно о личности мальчика, но вы отказались вернуть его семье, послужит обвинением в похищении, мэм. Мистер Фокс и мистер Бичер тоже окажутся под ударом, как и все их предприятие. Вам будет грозить с десятков лет тюремного заключения, если не хуже.

– О боже, – театрально пробормотал Бичер, явно восхищаясь собой. – О нет. «Если не хуже».

– Разумеется, мы готовы выплатить вам компенсацию, – продолжила мисс Куик.

Бринт обхватила Марлоу за плечи, словно защищая его.

– Компенсацию?

– Финансовую. По причине потери дохода.

– Потери дохода?

Мистер Фокс снял очки. Руки и ноги у него были длинные, как у лугового паука, и такая же, как у него, маленькая и словно покрытая шерстью голова.

– Марлоу, сынок. Сними рубашку и повернись к нам.

Он расстегнул подтяжки, поднял рубашку и повернулся. Мисс Куик резко вдохнула. Торс мальчика был ослепительно бледным, словно ребенок никогда не знал солнечного света. Посреди его спины красовалось красное родимое пятно в форме ключа.

– Это он, – сказал мистер Бичер, изумленно поглядывая на мистера Фокса. – Наследник Халлидэев.

Феликс Фокс надел очки, внимательно исследовал родимое пятно, снова снял их, прочистил горло, но ничего не сказал.

Как и все остальные.

Он потер лоб, будто собираясь с мыслями, и наконец произнес:

– Бринт. В этом деле замешаны деньги. Деньги и влиятельные люди, уверенные в том, что этот мальчик – их родственник. Думаете, они так просто остановятся? – Он прищурил свои водянистые глаза. – Вы ведь и сами прекрасно понимаете.

Примерно о том же думала и Бринт.

Мисс Куик надела перчатки и встала перед мальчиком на колени, не дотрагиваясь до него.

– Твое настоящее имя – Стивен. Стивен Халлидэй. Ты пропал еще младенцем. Мне поручили найти тебя и отвезти к родителям в Англию.

– Они будут очень рады, узнав, что ты жив и здоров, сынок, – сказал мистер Фокс. – Мисс Куик здесь, чтобы помочь тебе, и ты можешь ей доверять. Она хороший человек.

Мальчик слушал все это молча, внимательно следя за губами говорящих, но не подавал никаких знаков того, что понимает, о чем идет речь, лишь потянулся к руке Бринт и крепко сжал ее.

Мисс Куик поднялась:

– Почему он молчит? Он что, глухой?

– Глухой! – усмехнулся Бичер. – Боже правый! Конечно, нет. Правда?

Мистер Фокс скрестил руки, словно желая побыстрее со всем покончить.

– Любой закон в мире подтвердит, что мальчику будет лучше с его семьей, Бринт, – он нахмурил брови. – Мисс Куик собирается уехать утром. Полагаю, необходимости продолжать этот разговор нет. Подготовьте мальчика.

– Подготовить? – Бринт подняла голову, словно приходя в чувство. – К чему?

– Ах да. Нам предстоит еще обсудить некоторые детали, – сказал Бичер. – Компенсацию и прочее. Как и было предложено. В конце концов, был уговор.

– Вы правы, – сказала мисс Куик.

Бичер поднял длинную серую руку:

– Сегодня мальчик продолжит выступать. До утра он наш.

– Превосходно.

Марлоу заправил рубашку, застегнул подтяжки и уставился на женщину-детектива, мисс Куик.

– Сынок? – обратился к нему мистер Фокс.

Он не ответил. В палатке повисла тишина.

– Марлоу, – медленно и осторожно произнесла мисс Куик. – Я знаю, тебе, должно быть, многое непонятно. И у тебя могут быть вопросы ко мне.

Мальчик пристально смотрел на нее своими бледно-голубыми глазами, как будто стараясь найти что-то, что могло доказать ее истинную сущность. Мисс Куик молча выдержала этот взгляд, целомудренно сложив перед собой белые перчатки, словно понимая, что важно не двигаться и не отводить глаз. С другого конца палатки за ними наблюдала Бринт, рассматривая длинные ресницы мальчика, его веснушки на носу, взерошенные волосы – все то, что было до боли ей знакомо. Такой маленький для своих восьми лет. Или так и должен выглядеть восьмилетний ребенок?

Наконец мисс Куик вздрогнула и неуверенно огляделась по сторонам.

– Что ему нужно? – спросила она.

Бринт насупилась.

– Мадам... – начал Фокс.

Но прежде чем он успел закончить свою мысль, мальчик наклонился к мисс Куик, как бы отвечая на ее вопрос, и что-то тихо прошептал ей на ухо. Женщина-детектив взглянула на Бринт, лицо ее омрачилось печалью. Затем она вновь опустилась на колени.

– О нет, дорогой. Нет, Бринт придется остаться здесь.

Из палатки директоров цирка Элис Куик вышла с сильным желанием ударить что-то или кого-то, в особенности своего работодателя, миссис Харрогейт, прямо по ее жирному лицу или, возможно, Фрэнка Коултона. Она ненавидела свою работу, ненавидела то, что ей приходится делать.

«Бедняжка, – подумала она о ребенке. – И эта несчастная женщина с татуированными руками и печальным взглядом».

Нагибаясь под цирковыми растяжками, она, пробираясь по грязи, прокладывала себе путь к самому большому шатру, желая как можно быстрее вернуться в Ремингтон. Всё, с нее хватит. Пора заканчивать со всем этим. Разыскивать по всему свету сирот, лгать. Не этот несчастный ребенок стал для нее последней каплей. На нее глубоко подействовал тот поступок Овида в Миссисипи, когда он распорол себе руку и достал из нее самодельный нож. Она не забыла и предупреждение Коултона по поводу некоего Джейкоба Марбера, который якобы идет по их следам и тоже охотится на этих детей.

Нет уж. Она выполнит это последнее поручение, доставит Марлоу в Англию. А потом выскажет все Харрогейт начистоту: с нее хватит.

Правда, с этой женщиной, миссис Харрогейт, она виделась лишь однажды, в отеле «Гранд-Метрополитен» на Стрэнде, еще в самом начале. Там царил полумрак, в зеркалах отражались электрические лампы, блестели полированные панели из красного дерева, а с потолка свисали канделябры в виде пылающих колес. В холле с высокими мраморными колоннами и бархатной ковровой дорожкой поджидал мальчик-слуга, проводивший их с Коултоном до лифта. Они поднялись на четвертый этаж; по дороге в карманах плаща она одной рукой сжимала кольт «Миротворец», а другой – латунный кастет.

Коултон провел ее по длинному зловещему коридору, а затем остановился, чтобы повернуть ключ в замке широкой двери, и они вошли в гостиную, на противоположной стене которой тоже были двери: они оказались приоткрыты. Посреди комнаты они увидели маленький китайский столик из лакированного красного дерева. На нем расположился серебряный поднос с дымящимся чайником, а у дальнего окна спиной к вошедшим стояла женщина средних лет в черном наряде.

– Мисс Куик, – сказала она, поворачиваясь. – Я слышала о вас много любопытного. Проходите. Мистер Коултон возьмет ваш плащ.

– Предпочту не снимать его, – ответила Элис, все так же сжимая в кармане револьвер.

Женщина представилась давно овдовевшей миссис Харрогейт, одной из сотрудников института Карндейл – доверенным лицом этого учреждения здесь, в Лондоне. Элис внимательно наблюдала за ней. Эта женщина походила на экономку во всем, за исключением взгляда. Ей можно было дать лет сорок или даже пятьдесят. Она плавно прошла по ковру, сложив перед собой руки с покрасневшими, словно от щелочи, пальцами, на которых не было ни одного кольца. Ее щеку, переносицу и один глаз покрывало большое фиолетовое родимое пятно, отчего читать выражение ее лица было трудно. Она поджимала губы, будто только что отведала нечто весьма кислое, а в ее темных глазах блестела безжалостность. Косметикой она не пользовалась. На груди у нее висело единственное украшение – серебряный крестик.

– Я уродлива, – призналась она совершенно искренне.

– Вовсе нет, – покраснев, произнесла Элис.

Миссис Харрогейт жестом предложила ей сесть и тут же села сама; после секундного размышления Элис последовала ее примеру. Коултон налил им чаю, а затем растворился в тени, пока хозяйка объясняла, что ей нужно. По ее словам, все было довольно просто, хотя, возможно, и немного необычно. Институт Карндейл был благотворительной организацией, заинтересованной в благополучии особых детей – детей с редким заболеванием, которые не могли получить лечение в других местах. Работа Элис заключалась в том, чтобы разыскивать этих детей, располагая их именами и информацией об их примерном местонахождении. Как только

они будут обнаружены, мистер Коултон привезет их сюда, в Сити. А она, миссис Харрогейт, проследит за тем, чтобы их благополучно доставили в институт. Элис должна будет подчиняться непосредственно мистеру Коултону, а он обязуется следить за тем, чтобы ей платили, покрывали все связанные с поисками расходы и прочее. С ней заключат контракт до конца года, и, если институту понадобятся ее дальнейшие услуги, он будет продлен. Миссис Харрогейт заверила Элис, что все это вполне законно, но подчеркнула, что будет необходимо все же проявлять осторожность, а потом выразила надежду на то, что условия покажутся ей удовлетворительными.

Элис разглядывала темный чай в чашке, но не пила его. Она думала о детях.

– Ах, – продолжила миссис Харрогейт. – Вы хотите спросить, как быть, если наши маленькие пациенты не захотят ехать?

Элис кивнула.

– Мы не занимаемся похищениями, мисс Куик. Если дети не захотят ехать, то принуждать их никто не станет. Хотя, на мой взгляд, такое маловероятно. Мистер Коултон... умеет убеждать.

Элис подняла глаза:

– Что вы хотите этим сказать?

– Ну... вы же пришли сюда, не так ли?

Элис почувствовала, как у нее краснеют щеки.

– Вряд ли это то же самое.

Миссис Харрогейт улыбнулась и отпила чай.

– Этим детям станет только хуже, если никто не будет лечить их, мисс Куик, – сказала она через мгновение. – Как правило, этот факт быстро убеждает.

– А их родители? Они приезжают с ними?

Миссис Харрогейт помедлила, наполовину поднеся чашку к губам, а затем наклонилась, словно собираясь поведать великую тайну:

– Все эти дети – несчастные сироты. У них нет родителей, понимаете ли. Они сами по себе в этом суровом мире.

– Все?

– Все, – нахмурилась миссис Харрогейт. – Похоже, таково одно из условий.

– Вашего института?

– Заболевания.

– Так оно заразно?

Миссис Харрогейт слабо улыбнулась:

– Это не чума, мисс Куик. Вы им не заразитесь и не заболеете. Не стоит об этом беспокоиться.

Элис не была уверена, что понимает. Она попыталась представить, как странствует по миру, одного за другим выслеживая больных детей и забирая их, словно какое-то чудовище из сказки. Девушка медленно покачала головой. Всегда можно заняться чем-то еще.

– Я до сих пор не понимаю, в чем именно будет заключаться моя работа, – неохотно произнесла она.

– Как же? В том, чтобы помогать детям.

– Красть их.

Миссис Харрогейт снова улыбнулась:

– Ну, не стоит драматизировать. Возможно, вам станет яснее, если я расскажу вам то, что известно мне. Я знаю не очень много. Вероятно, вы слышали о Королевском обществе, не так ли? Здесь, в Англии, оно стало провозвестником нового организованного научного подхода к изучению окружающего мира. На одном из первых заседаний перед членами общества предстала слепая девушка с необъяснимой способностью: она утверждала, что видит мертвых.

Но никто из ученых не хотел обманываться – такие заявления люди делали на протяжении столетий; однако, как бы это их ни смущало, никто из них не мог доказать, что девушка говорит неправду. Особенную неловкость испытывали анатомы. Примерно через год был основан институт Карндейл, посвященный изучению именно тех феноменов, что выходили за рамки научных исследований. В первый же месяц в него доставили сестер-близняшек из деревушки в Уэльсе. У обеих в пятилетнем возрасте проявились необычные способности. Были и другие дети со схожими – если можно так выразиться – *симптомами*. С тех пор институт разыскивает таких детей, чтобы вместе с ними работать над исследованием их болезни.

– Работать в каком смысле?

Миссис Харрогейт перехватила ее взгляд. Глаза у нее были очень темными.

– Их тело, мисс Куик, способно на невероятные, – тихо произнесла она, – на самые странные вещи, *насколько можно судить*. Затягивать раны, трансформироваться.

Элис не знала, что сказать.

– Я не понимаю.

– Я тоже. Я не эксперт. Но, полагаю, не обязательно обладать научным складом ума, чтобы понять, как это могут воспринимать окружающие: как... даже не знаю... как некое чудо.

Элис с беспокойством посмотрела на миссис Харрогейт, пытаясь понять, к чему она клонит.

– Прошу прощения? – тихо сказала девушка.

– Да?

– Почему вы обратились именно ко *мне*?

– Вы сами понимаете почему.

– Есть и другие детективы.

– Но не такие, как вы.

Элис провела языком по пересохшим губам. До нее начало доходить.

– И... кем вы меня считаете?

– Свидетелем, конечно же.

Миссис Харрогейт разгладила платье.

– Да будет вам, мисс Куик, вы же не думаете, что мы не провели соответствующие исследования?

Элис ничего не ответила, а миссис Харрогейт достала сумочку и вынула из нее длинный коричневый конверт. В нем лежали документы, один из которых она начала зачитывать вслух:

– Элис Куик из Чикаго, штат Иллинойс. Это вы, верно? Вы выросли в религиозной общине Адры Норн в Бент-Ни-Холлоу под опекой своей матери?

Элис ошарашенно кивнула. Она не слышала этого имени долгие годы.

Странное лицо этой похожей на экономку женщины смягчилось.

– В раннем детстве вы стали свидетелем некоего чуда. Вы видели, как Адра Норн зашла в костер, постояла в нем, а затем вышла без единого ожога. О да, эта история довольно известна в определенных кругах. Наш директор, доктор Бергаст, состоял с Адрой Норн в переписке. Фактически они были знакомы на протяжении многих лет. Очень печально, что с вашей матерью случилось то, что случилось. Лично мне вас очень жаль. И ее, разумеется, тоже.

– Она была психически нездорова. И остается такой и сейчас.

– Тем не менее.

Элис встала. Она выслушала достаточно.

– Вам следует проявить жалость к людям, которых она сожгла заживо, пока те спали, – сказала она. – Приберегите ее для них.

– Мисс Куик, прошу вас, сядьте.

– Я сама найду дорогу к выходу.

– *Сядьте*.

Голос был холодным, мрачным и глубоким, как будто принадлежал гораздо более старой и грубой женщине. Элис в ярости обернулась, но с удивлением увидела, что миссис Харрогейт вовсе не выглядит властной: все те же округлые формы, то же родимое пятно, те же красные пальцы, тянущиеся за второй чашкой чая.

– Мисс Куик, вы, как никто другой, знаете, сколько страданий причиняют предрассудки, как быстро рождается страх. Вы *нужны* этим детям.

Элис замерла, сжав кулаки. Коултон спокойно стоял возле вешалки для шляп, свободно опустив руки. Выражение его лица, скрытого полями котелка, было нечитаемо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.